

Ритуалист. Том 2

Автор:

Павел Корнев

Ритуалист. Том 2

Павел Николаевич Корнев

Небесный эфир #2

От сотворения мира небесный эфир пронизывает всё сущее, а люди и нелюди сплетают из него чары и направляют их на благо себе и во вред другим. Магистр Вселенской комиссии по этике Филипп Олеандр вон Черен выслеживает чернокнижников из числа учёного люда, но чем дальше, тем сильнее закручивает его водоворот чужих интриг. Враги идут по пятам, магический жезл и пара покрытых колдовскими формулами пистолетов больше не способны гарантировать безопасности. Да ещё собственные скелеты в шкафу того и гляди выберутся наружу и устроят настоящую пляску смерти...

Павел Корнев

Ритуалист. Том 2

Часть первая: Людоед

Глава 1

Черно-красные перехватили на въезде в Рёгенмар. До того каким-то чудом удавалось избегать общения с дознавателями ордена Герхарда-чудотворца, но никакое везение не может длиться вечно. Не желая платить въездной сбор, я предъявил документы о назначении в местное отделение Вселенской комиссии по этике, это и решило дело. Кто-то из солдат подал условный знак, и рядом тут же оказался взволнованный послушник в черной рясе, подпоясанной красной веревкой.

– Магистр вон Черен! – обратился он ко мне. – Приор приглашает вас посетить миссию ордена...

Я был донельзя вымотан долгой дорогой, голоден и чувствовал себя не лучшим образом, а еще – изрядно раздосадован неожиданной встречей. Мой взгляд мог прожечь и камень.

Послушник шумно сглотнул и после явственной заминки продолжил:

– ...как только появится такая возможность.

– Передай его высокопреподобию, мой визит не заставит себя ждать, – ответил я, лишь каким-то чудом сумев перебороть вспышку раздражения.

Если столь расплывчатая формулировка и не устроила посыльного, вида он не подал и уже мне в спину протараторил:

– Железный двор в Грентквартнер! Грентквартнер! Там любой подскажет!..

Я кивнул и поспешил забраться в почтовую карету, единственным пассажиром которой являлся. Лошади тронулись с места, и экипаж покотился через мост к воротам, с обеих сторон от которых высились мрачные башни с узкими бойницами и зубчатым парапетом.

Застройка пригорода отступала от оплывшего рва на сотню шагов, а крепостные стены хоть и не поражали особой высотой, но выглядели донельзя солидно и внушительно. Веяния нового времени не обошли гарнизон стороной;

наметанным глазом я определил несколько позиций, перестроенных для размещения артиллерийских батарей.

На башнях под легкими дуновениями весеннего ветерка колыхались флаги, и везде с герцогскими синими полотнищами с коронованной черной рысью соседствовали знамена славного города Рёгенмар: лазурная и золотая полосы несли на себе скрещенные ключ и меч.

Карета въехала под зубья поднятой решетки, и я сполна оценил толщину крепостных стен – разрушить их было непросто даже с помощью осадных орудий. Впрочем, удивляться столь основательному подходу не приходилось: мало того что Рёгенмар находился на границе великого герцогства, так еще издавна на эти земли претендовали и Грахцен, и Фирлан.

Стена осталась позади, подковы зацокали по брусчатке, и кучер почти сразу придержал лошадей, а сидевший рядом с ним охранник принялся безостановочно дуть в почтовый рожок, требуя освободить дорогу. Помогало это мало: не слишком широкую улочку заполонили повозки, верховые и отчаянно лавировавшие между ними пешеходы. Валивший из печных труб дым серой пеленой растекался меж домами, в горле моментально запершило, и я прикрыл боковое окошко, вспомнив свежий воздух сельской местности с некоторой даже тоской.

Ехали недолго – почтовую станцию обустроили неподалеку от городских ворот. Там я выбрался из кареты и закинул на одно плечо подсумок, а на другое водрузил чехол со штуцером брата Гиля. Мне и в голову не пришло передать мушкет представителям ордена Герхарда-чудотворца; оставил его себе в качестве своеобразных отступных.

– Уважаемый! – окликнул я кучера. – Вселенская комиссия где в вашем славном городе располагается?

Дядька озадаченно сдвинул шляпу и почесал затылок. Затем указал на одну из улочек.

– Прямо до площади Святого Рейна, там второй поворот направо, а дальше спросите, как найти Лёндуссин.

– Благодарю! – кивнул я и двинулся в указанном кучером направлении.

Первым делом следовало поставить в известность о своем приезде магистратуправляющего, затем я намеревался отыскать Уве и Микаэля, а после озаботиться поисками жилья. Еще в мои планы входило вымыться, подстричься и посетить портного, и лишь тогда придет время подумать о визите к герхардианцам. Будь моя воля – не ходил бы к ним вовсе, ибо ничего хорошего грядущая беседа отнюдь не сулила.

И дело было не только в мертвых братьях – в конце концов, ответственность за их гибель лежала на пустившемся в бега инкубе! – но и в некоей расписке, согласно которой ответственность за Руне Фалька брал на себя ловчий ордена Герхарда-чудотворца брат Стеффен. Архиепископ Фредрик едва не прослезился от счастья, когда та попала ему в руки, и по столице немедленно поползли слухи один невероятней другого.

Герхардианцы упустили демона! Герхардианцы упустили дюжину демонов! И не демонов, а князей запределья! И не упустили, а призвали и не сумели удержать под контролем! Войско одержимых и вовсе за пару дней пересудов выросло с полудюжины беглых солдат до тысячи человек, которые уже выдвинулись маршем на столицу герцогства.

Архиепископ заработал очко в подковерной борьбе, а мне наградой стали приязнь его высокопреосвященства и кошель, не столь туго набитый, как первый, зато и звеневший золотом, а не серебром. В Ольсе я надолго не задержался и отбыл в Рёгенмар, всерьез полагая, что сумел избежать внимания черно-красных, но, как видно, упорство братьев недооценил. И теперь это сулило мне сплошные неприятности.

Помянув ангелов небесных, я досадливо поморщился и зашагал по мостовой, стараясь держаться подальше от нависавших над дорогой верхних этажей домов и скатов крыш. Людей на улице оказалось непривычно много, а на площади и вовсе было яблоку негде упасть. Запрудившие ее бюргеры толкались, работали локтями и яростно переругивались, обсуждая что-то с несвойственной степенным северянам экспрессией.

Я прислушался к разговорам и понял, что жители славного города Рёгенмар изъясняются на языке коренного населения герцогства брезгуют и общаются

исключительно на фирланском и североимперском, а точнее – на гремучей смеси того и другого. Смысл высказываний взбудораженных горожан от меня ускользал, разобрать удавалось лишь отдельные слова.

Вор. Налоги. Нищета. Грабеж. Смерть. Медь. Вешать. Вор. Селедка.

Вешать. Вешать. Вешать!

Ничего хорошего такой настрой не сулил, и стоило бы обойти площадь стороной, но я побоялся заплутать и начал пробираться к нужной улочке через толпу. Этот маневр едва не вышел боком, когда люди вдруг колыхнулись и разом подались назад. Меня придавили к стене, и пришлось лезть на крыльцо, заставляя потесниться стоявших там юнцов, по виду – типичных школяров.

С верхней ступеньки стала видна импровизированная трибуна, сооруженная из уложенных на пустые бочки досок. Взгромоздившийся на нее заводила что-то яростно кричал, но его уже мало кто слушал, поскольку сразу с двух улиц на площадь выдвигались загородившиеся щитами солдаты. Это породило среди обывателей немалое волнение, и несколько человек в цивильном платье под шумок сдернули оратора с бочек. Сподвижники возмутителя спокойствия оказались не лыком шиты и бросились на помощь товарищу, но их численное преимущество мигом испарилось, стоило только солдатам расступиться и выпустить на подмогу шпикам дюжину квартальных надзирателей.

Началась жуткая свалка. Одни горожане бежали с площади, другие лезли в драку. В служивых полетели проклятья и нечистоты. Особенно в швырянии всяческих мерзостей преуспели бесновавшиеся на крышах домов мальчишки и всегдашние возмутители спокойствия – школяры.

Меньше всего мне хотелось загреметь в кутузку, а то и получить по хребту дубинкой, поэтому я продрался к ближайшей улочке и устремился прочь. Хвала небесам! В кои-то веки удача оказалась на моей стороне, и упомянутый кучером Лёндуссин удалось отыскать безо всякого труда, не пришлось даже спрашивать дорогу у прохожих. А там я немного поплутал по застроенной трехэтажными кирпичными особняками округе и очень скоро приметил на приоткрытых воротах знакомую эмблему: заложенную кинжалом книгу с вписанным в семиконечную звезду оком на обложке.

Во дворе стояла карета, ее кучер как раз и распахивал высоченные створки, освобождая проезд. Усатый дядька с заткнутым за ремень кнутом не обратил на меня никакого внимания, а вот почтенный круглобокий сеньор, вперевалочку спускавшийся с крыльца, уставился с нескрываемым интересом.

На груди едва достигавшего макушкой мне до плеча толстячка золотом блестела солидная цепь с приметной символикой Вселенской комиссии; я приподнял над головой шляпу и слегка поклонился.

- Магистр-управляющий...

Фраза повисла невысказанным вопросом, но сеньор и не подумал представиться. Неожиданно шустро толстячок спустился с крыльца и в несколько шажочков оказался рядом.

- Магистр вон Черен, если не ошибаюсь? - предположил он.

Как видно, служебная печатка не укрылась от взгляда близко посаженных черных глаз. Их стоило бы назвать пороссячьими, но на поросенка глава местного отделения нисколько не походил. Скорее уж он напоминал нелепую на вид, но чрезвычайно свирепую и цепкую бойцовую собаку, некогда выведенную аборигенами Изумрудных островов.

- К вашим услугам... - наметил я неглубокий поклон, отдавая документы о назначении, и на этот раз толстяк соизволил представиться.

- Джервас Кирг, - объявил он и обвел пухлой ладонью двор, - главный в этой... как бы сказать... богадельне. Вам повезло, что успели застать здесь хотя бы меня.

- У вас так мало людей? - удивился я и не удержался от усмешки. - Или так много, что они уходят с работы засветло?

- Ни то, ни другое, - ответил магистр-управляющий неожиданно искренней улыбкой. - Людей хватает, но и обязанностей... - Он провел рукой над головой и распахнул дверцу кареты. - Едемте!

– И куда же?

Джервас Кирг глянул в ответ, будто голодная собака на кусок мяса, и то ли в шутку, то ли всерьез сказал:

– Представлю вас своему портному.

Тут он меня уел. Купание в болоте не пошло одежде на пользу. Вид у нее был... потрепанный, даром что в Ольсе купил новые плащ и шляпу.

Толстячок забрался на сиденье и начал просматривать бумаги о переводе, я уселся напротив него, и карета тут же выехала на улицу, покатила прочь. Ворота кучер закрывать не стал, как видно, за особняком все же было кому присмотреть.

– Известно ли вам, магистр, что местный университет – второй по... как бы сказать... – Джервас замялся, подбирая нужное слово, – по авторитетности на всем севере? Лучшим считается Королевский университет Свальгрольма, но учиться там допускается лишь уроженцам Фирлана. А вот к нам едут даже из Виларны и Грахцена. Фирланцев тоже хватает, обучение здесь выходит дешевле. Особенно если родня шлет серебро...

Магистр-управляющий засмеялся, я понимающе кивнул, ожидая продолжения.

– Работы у нас невпроворот. День не обходится без разного рода... коллизий. Проблем нет разве что с теологами, они все, как один, люди с духовным саном. Предпочитают... как бы сказать... не выносить сор из избы.

И вновь я кивнул. Пока что собеседник не сообщил мне ничего нового.

Толстячок шумно вздохнул и помрачнел.

– Увы, работы у нас куда больше, чем денег. Львиная доля взносов тратится на возмещение ущерба по солидарной ответственности школяров.

Я надеялся, что надолго в Рёгенмаре не задержусь, поэтому не принял услышанное близко к сердцу. Джервас Кирг расценил мое молчание по-своему и

сказал:

– Магистрам приходится... как бы сказать... крутиться. Благо в лекторах всегда есть нужда.

У меня глаза на лоб полезли.

– В лекторах? Вы хотели сказать – в репетиторах?

– И в репетиторах – тоже. А что вас так удивляет, магистр?

Я только руками развел.

– В империи школяры, скорее, бунт устроят, чем согласятся принять в лекторы магистра Вселенской комиссии.

– Наслышан, – кивнул Джервас Кирг. – Но здесь ситуация принципиально иная. На территории великого герцогства мы лишены полномочий проводить следственные мероприятия. Следим, конечно, за... как бы сказать... нравственным обликом подопечных, но куда чаще представляем их интересы. Здесь мы адвокаты, а не дознаватели.

– О-о-о! – протянул я с нескрываемым удивлением.

Сложившееся в Сваами положение дел оказалось для меня в диковинку, но зато сама собой разъяснилась причина понижения. Как видно, должностей магистров-расследующих в здешнем отделении не было предусмотрено вовсе. Никакой следственной деятельности, подумать только!

– Несколько магистров преподают на факультете тайных искусств, несколько – на медицинском, – продолжил вводить меня в курс дела толстячок. – Есть и юристы. В особо сложных делах нас представляет один из профессоров...

– А как же грамматики? – с улыбкой упомянул я школяров, постигавших основы письма и арифметики на факультете свободных искусств.

– О каверзах этих смутьянов я узнаю из первых рук, – рассмеялся в ответ Джервас Кирг. – Ввел за правило завтракать с полицмейстером, знаете ли!

– Разумно.

Магистр-управляющий тяжело вздохнул.

– Но вести самостоятельное следствие... Нет. Подобных специалистов у нас нет.

Прозвучали эти слова на редкость многозначительно. Правда, было непонятно, предложат мне сменить специализацию или поручат разгрести некую кучу дерьма. Разумеется, неофициально. И попробуй реши с ходу, какой из вариантов более предпочтительный!

Карета безостановочно тряслась на брусчатке, и оставалось лишь догадываться, куда правит кучер. Магистр-управляющий не отдавал ему при мне никаких распоряжений на этот счет, а едва ли он изначально намеревался посетить портного. Непонятно...

Толстячок сцепил пухлые пальцы и, наконец, перешел к делу.

– Магистр... Филипп, могу я попросить вас какое-то время не афишировать принадлежность к Вселенской комиссии? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Если это нужно для пользы дела, почему бы и нет? – беспечно пожал я плечами. – Но на воротах я предъявлял документы, и орден Герхарда-чудотворца знает о моем прибытии в город.

– Это не страшно, – отмахнулся Джервас Кирг. – Не подумайте ничего такого, действовать вы будет официально, с полного одобрения и церкви, и ордена. Просто дело очень уж... как бы сказать... деликатное.

– Я весь внимание, магистр.

– Нет, – покачал толстяк головой. – Сначала я должен согласовать ваше участие в расследовании. Поговорим об этом завтра.

– Как скажете.

– И вот еще что! Ни для кого не секрет, что мы со дня на день ожидаем прибытие нового магистра. Могли прознать, и кто именно должен приехать. Какое имя себе возьмете на первое время?

– Рудольф, – сказал я и тотчас об этом пожалел. Заколебался, но ничего решил не менять.

Собеседник неверно расценил мою заминку и сказал:

– Рудольф Нуаре! Звучит броско и для наших мест... как бы сказать... экзотично.

– Пусть так, – вздохнул я. – Да! Мои люди должны были приехать в Рёгенмар еще в прошлом году. Вам что-нибудь о них известно?

Магистр-управляющий досадливо поморщился, но встречаться со слугами не запретил.

– Ищите их в пансионе вдовы Блом. Это в Нистадде... как бы сказать... в Новом городе. На том берегу Ливы, где-то неподалеку от Соловьиного моста.

– Найду, – кивнул я.

– Что-то еще?

– Нужен патент на пару пистолей и мушкет. Еще пороховые марки. – Я заметил колебания собеседника и твердо заявил: – Как показывает практика, всякое деликатное дело не только деликатное, но и опасное. А я не столь искусный фехтовальщик, чтобы полагаться на шпагу, которой у меня, к слову, нет.

Джержас Кирг испустил обреченный вздох.

– Хорошо! Это реально устроить. Зайдите завтра после полудня в канцелярию Управы благочестия... Нет! Лучше сразу к полицмейстеру. Так об этом точно никто не узнает. Черный двор на Клюгатан вы отыщете без труда – всякий подскажет. А пороховые марки... Хорошо, я внесу деньги, потом вычту из

жалования.

– Благодарю.

– Но учтите – в пансионе вдовы Блом вам селиться нельзя. Как бы сказать... несolidно. Есть варианты получше. Я распоряджусь, вас отвезут. Средства на первое время имеются?

Я пожал плечами:

– Более-менее.

– Вот и замечательно, – обрадовался магистр-управляющий и денег мне предлагать не стал. Вместо этого вернул документы о назначении. – Держите, Филипп... О, тысяча извинений! Рудольф, конечно же Рудольф!

По спине у меня побежали мурашки, я через силу улыбнулся и уточнил:

– Купальни в городе имеются?

– Спрашиваете! – фыркнул толстячок. – Одна из городских достопримечательностей! Здание, как говорят, еще староимперской постройки. Всякое воссияние просвещенные люди после церковной службы направляют свои стопы именно в термы, а никак не в кабаки. В кабаки и рестораны идут уже после. Местная традиция. Все! Встречаемся завтра в два часа пополудни. Заеду за вами на квартиру.

Я кивнул, надеясь, что термы работают и в будний вечер, а то в Ольсе времени посетить купальни у меня не нашлось. Сполоснулся в бадье, но разве так просто болотную грязь смоешь?

2

Как выяснилось немного позже, кучер вез магистр-управляющего домой. Жил тот в милом двухэтажном особняке в тихом и спокойном районе, именовавшемся на фирланский манер Стюгор. Его тенистые улицы патрулировала нанятая

местными толстосумами охрана, а с остальным городом соединяли только два моста. Один был перекинут через Ливу, второй – через ее не столь полноводный приток.

В гости Джервас Кирг меня не пригласил и велел кучеру ехать в Старый город, где кто-то из шапочных знакомых магистра сдавал квартиры лекторам и состоятельным школярам. Напоследок толстяк потребовал снять служебный перстень, и я выполнил его распоряжение, оставив на руке лишь серебряную печатку лицензиата тайных искусств с золотой накладкой герба Кальвортского университета.

Первым делом кучер отвез меня к лавке портного. Вышколенные подмастерья очень быстро сняли все необходимые мерки, и я решил не скупердяйничать и заказать сразу два комплекта одежды, причем один попросил подогнать из готового платья. Портной в ответ страдальчески закатил глаза, но все же взялся исполнить этот заказ к завтрашнему полудню. А вот сроки пошива он не назвал даже приблизительно и предложил явиться на первую примерку ближе к концу седмицы.

Во флигеле напротив располагался башмачник, он взялся стачать пару туфель, а после этого кучер доставил меня к доходному дому, претенциозно именовавшемуся Княжеским двориком. Внутренний двор там и в самом деле имелся, но совсем небольшой, сырой и тесный, да и само здание на резиденцию сиятельного аристократа тоже несколько не походило. Впрочем, предложенная хозяином квартирка на мансардном этаже приглянулась мне с первого взгляда.

Единственная комната со скошенным потолком и огромным камином была светлой и просторной, окно выходило не во двор, а на улицу. На полу лежала медвежья шкура, а стоявшая у стены кровать была куда шире, нежели требовалось одному человеку. Подумалось даже, что раньше это уютное гнездышко сдавали для романтических встреч, но высказывать это предположение вслух я не стал и внес арендную плату за седмицу вперед. Сумма вышла немалая, и оставалось надеяться, что долго мое нелегальное положение не продлится и впоследствии Вселенская комиссия возьмет оплату служебного жилья на себя.

Чернявый живчик с хитрыми бусинками глаз вручил связку ключей и отправился восвояси, позвякивая зажатými в кулаке серебряными монетами. Вид у него был предовольный.

Я подступил к обитому железными полосами сундуку, в котором вполне мог уместиться взрослый человек, убрал в него футляр с пистолем и большую часть денег, наискось уложил мушкет. Затем опустил крышку, запер массивным навесным замком и прошелся по комнате. Оценил камин, на полке которого лежали всякие милые безделушки, встал у окна. Вид из мансарды открывался на море крыш с коричневой и блекло-оранжевой черепицей, слуховыми оконцами и закопченными печными трубами; вдалеке между домами будто бы даже проглядывала гладь реки, но могло и показаться.

Окончательно стемнеть на улице еще не успело, поэтому я спустился на первый этаж и постучался в квартиру хозяина. Тот бегло говорил на североимперском и доступно объяснил, как пройти к городским термам, а вот после вопроса об аптеке явственно замялся.

– Ближайшая прямо по улице, магистр, – сообщил он после долгой паузы, – но не советую идти напрямик. По пути будет квартал мясников, за порядком там присматривают подмастерья, а они школяров не жалуют. Уже смеркается, боюсь, могут не разобраться и поколотить.

– Куда еще вечерами лучше не ходить? – с усмешкой поинтересовался я.

Как выяснилось, таких мест в Рёгенмаре имелось с избытком. В Стюгоре чужаков гоняла частная охрана, а в Нистадде, населенном городской беднотой, грабители могли обобрать до нитки даже при свете дня. Старый город в этом отношении оказался вполне безопасен, поскольку службу там несли и квартальные городовые, и цеховая стража. Но не обошлось и без ложки дегтя: отношения между бюргерами и школярами оставляли желать лучшего; стычки и драки на этой почве случались по нескольку раз на дню.

Под конец беседы я вручил хозяину медный фердинг и попросил принести в комнату дров, а сам отправился на поиски аптеки. Мудрым советом пренебрегать не стал и немного покрутился по округе, зато и добрался до заведения с вывеской в форме ступки и пестика без приключений.

Морщинистый лекарь поначалу неплохо понимал меня, осмотрел загноившиеся ссадины на запястьях и продал баночку с каким-то травяным бальзамом, но стоило только поинтересоваться корнем мандрагоры, моментально позабыл североимперский. Вопрос о зелье, используемом ведьмами и алхимиками,

напугал старика так сильно, что больше из него не удалось вытянуть ни единого внятного слова.

Плюнув, я двинулся напрямик к набережной Ливы. На улице быстро темнело, всюду подмастерья и приказчики закрывались ставни лавок и уносили с улиц раскладные прилавки. Люди разбредались по трактирам и кабакам; кое-где прямо под навесами жарили на открытом огне свиные ребрышки, варили в пузатых чанах рыбную похлебку и подогревали глѣг.

От запаха еды рот наполнился слюной; я купил лепешку с мясной нарезкой и отправился на поиски терм. Под вечер похолодало, потянуло стылостью, задул свежий ветерок. Меня начало знобить, но долго блуждать в поисках купален не пришлось. Уже минут через десять я вышел на высокий берег Ливы и увидел приземистое здание терм, фасад которого был облицован потемневшим за века мрамором.

На входе пришлось раскошелиться на не столь уж и скромный сбор, да еще доплатить за право воспользоваться одной из малых купален. Одежду и вещи принял на хранение служитель гардероба; оставлять на его попечение я не стал лишь магический жезл и кошель. В одной рубахе прошлепал босыми ступнями по неожиданно теплomu мраморному полу, спустился в термы и сразу оказался окутан теплым влажным воздухом. В затянутом клубами пара зале хватало явившихся сюда по окончании рабочего дня горожан; кто-то намыливался на лавках, кто-то плескался в общих ваннах.

Смотритель принял резной деревянный жетон, выдал кусок мыла и разрешил пройти в малые купальни. Там тоже хватало посетителей, но в одном из помещений со сводчатым потолком отыскалась пустая ванна в форме восьмиконечной звезды. На лучах вода едва доходила до середины щиколотки, дальше глубина постепенно увеличивалась и в центре человека скрывало с головой.

Я стянул рубаху, осмотрел тело и вполголоса помянул святые небеса. По животу расползлись фиолетово-черные пятна синяков, запястья и лодыжки были окольцованы полосами воспаленной кожи. С шеей, судя по ощущениям, дела обстояли ничуть не лучшим образом, да еще отбитые внутренности беспрестанно ныли, даром что кровь из мочи пропала уже на второй день после побоев.

Миг я стоял в ванне, затем улегся на удобное каменное ложе и по шею погрузился в теплую воду. Накатила блаженная расслабленность и умиротворение, как-то даже меньше стала саднить ободранная веревками кожа. Но счастье мимолетно, не стал исключением и сегодняшней день.

Послышались шаги, шорох одежды, плеск. Я повернул голову и с немалым раздражением проследил, как в воду по соседству опускается костлявый старик, ничуть не дряхлый, скорее, высушенный временем. Был он абсолютно лыс и гладко выбрит, лишь над глазами нависали мохнатые седые брови. Лицо показалось хищным и не понравилось с первого взгляда.

Захотелось с головой погрузиться под воду, да еще старик посмотрел на меня, улыбнулся и вдруг произнес:

– Не должно пенять мирянину, что не знает он дороги в храм, если прежде пастырь не проложил тропинку к его дому.

Мне будто крепкую затрещину отвесили. Я не был силен в теологии, но одно из наиболее известных высказываний Герхарда-чудотворца узнал и лишь невероятным усилием воли удержал руку под водой, когда та непроизвольно дернулась за колдовским жезлом.

Стало страшно. Как-то враз накатило понимание, что сейчас я никто и ничто. Филипп Олеандр вон Черен, магистр Вселенской комиссии по этике, не явился к месту службы, вместо него Рёгенмар посетил некий Рудольф Нуаре, смерть которого в купальнях легко спишут на банальный несчастный случай. Достаточно лишь подойти сейчас сзади, навалиться и погрузить голову под воду.

Я не обернулся, лишь вопросительно улыбнулся в ответ:

– Брат...

– Бруно, – представился старик. – Волею небес дознаватель здешней миссии ордена Герхарда-чудотворца.

Я нервно сглотнул, но внешне никак не выказал неуверенности и страха. Брат Стеффен – паршивая овца, завербованная Кабинетом бдительности. Не могут же на барона аус Баргена работать все без исключения герхардианцы! Да и в любом случае вот так с ходу меня топить никто не станет. Начнут с расспросов.

И я не ошибся.

– Меня интересуют обстоятельства гибели брата Стеффена, – сразу обозначил свой интерес дознаватель.

– И разговор не терпит отлагательств?

Старик ответил холодным взглядом, но вновь цитировать священное писание не стал.

– Вы не торопились с визитом к нам, магистр, – сказал он. – Прошу вас проявить понимание и ответить на несколько вопросов. В знак уважения к погибшим братьям.

Я не выдержал и оглянулся, а дабы дознаватель не истолковал мою обеспокоенность превратно, пояснил:

– Интересы службы требуют от меня какое-то время не афишировать принадлежность к Вселенской комиссии по этике. На людях лучше обойтись без имен.

Брат Бруно кивнул и отметил:

– Тогда вам тем более не нужен официальный вызов.

Я испустил горестный вздох:

– Разве орден не получил копию моих показаний?

– Получил, – не стал отрицать старик. – Но хотелось бы услышать обо всем из первых уст.

Упорствовать и дальше не имело никакого смысла, и я поведал свою версию событий, по возможности не особо вдаваясь при этом в детали. Дознаватель герхардианцев выслушал меня, не перебивая, задал несколько уточняющих вопросов, потом прикрыл глаза и произнес:

– Брат Стеффен получил болт в голову и невольно столкнул брата Каса в воду. Тот был в кольчуге и не смог выплыть. – Старик вдруг приподнялся и посмотрел на меня: – А что делали в этот момент вы?

– Налегал на шест, загоняя плот в камыши.

– Видели стрелка?

Я покачал головой. Едва ли хоть кто-то из пустившихся в бега одержимых будет захвачен живым, но в любом случае слишком уж подробные показания позже могут выйти мне боком. А так – мало ли кто выстрелил в нас на болотах?

– Магистр... кхм... Филипп...

– Рудольф, с вашего позволения, – поправил я старика.

Тот фыркнул и предпочел не называть меня по имени вовсе.

– Нас немного удивил болт, убивший брата Стеффена. Это один из наших собственных болтов.

– В самом деле? – Я беспечно пожал плечами, пусть этот жест и укрыла вода. – Мы долго обстреливали друг друга, болты могли перемешаться. Да и унесли с собой не все арбалеты, что-то бросили в кузнице.

Дознаватель кивнул.

– Это многое объясняет, – признал он и задумался, потом сполоснул лицо водой. – Непонятно только, откуда взялись обломки камыша под курткой брата Стеффена. Такое впечатление, что его волокли по земле.

Мне откровенно не понравилось направление, которое принимала беседа, но после недолгих колебаний я решил до поры до времени на этом внимание не заострять. Тем более, что даже не пришлось ничего выдумывать.

– Так я и тащил его. По плоту. Тот был засыпан обломками сухого камыша, листьями и грязью. Всю зиму под открытым небом простоял как-никак.

– Ах вот оно что! – понимающе протянул старик. – А ваша шея? Вас связывали? Неужели попали в плен к одержимым?

Я развернулся всем корпусом, оперся на локоть и уставился на собеседника.

– Брат Бруно, вы меня в чем-то подозреваете?

– Что вы! Что вы! – округлил глаза въедливый старикан в несомненно притворном изумлении. – И в мыслях такого не было. Но гибель ловчего – это событие чрезвычайное, мы должны быть уверены, что достойно ответим на все вопросы гроссмейстера.

– Нет, одержимые меня не захватили. Пытались, но сумел отбиться. Живот – их работа. Все остальные... повреждения получены позднее и к делу отношения не имеют. – Я покачал головой. – При всем уважении, брат Бруно, но ордена не касается, каким образом я получаю удовольствие в постели. Мне надо было расслабиться после случившегося, и я расслабился. Это все.

Смутить дознавателя не удалось. Он несколько раз с невозмутимым видом кивнул и выбрался из ванны. Невесть откуда взявшийся рядом брат без промедления накинул на худые стариковские плечи простыню.

– Если возникнут вопросы, надеюсь, вы не откажетесь уделить нам время?

– Ни в коем случае, брат Бурно. Ни в коем случае.

Дознаватель ушел, но даже после этого я не дал волю эмоциям. Какое-то время еще лежал в теплой воде, затем встал и смазал бальзамом размякшие ссадины, а после прямо на мокрое тело натянул рубаху и отправился на поиски цирюльника. Настроение испортилось безвозвратно.

Глава 2

1

Хозяин принести дров не позабыл и полученный фердинг отработал сполна, сложив в углу комнаты небольшую поленницу. По возвращении я первым делом растопил камин, но за ночь мансарда изрядно выстыла, и поутру теплое шерстяное одеяло пришлось как нельзя кстати; без него бы точно продрог.

Выбираться из постели никоим образом не хотелось, но дел на первую половину дня набралось преизрядное количество; пришлось умываться холодной водой, ежиться и спешно одеваться.

Целебный бальзам подействовал на ссадины наилучшим образом, они заметно подсохли и болели куда меньше прежнего. Я вновь обработал раны, стараясь не перепачкать при этом манжеты сорочки, затем отпер сундук. И дальше хранить у себя мушкет брата Гиля было чересчур опрометчиво. Вещица эта редкая и приметная, а обвинение в воровстве чревато серьезными неприятностями даже для магистра Вселенской комиссии. Особенно если дело происходит за пределами империи, а владелец... утраченного имущества пользуется в этих краях немалым влиянием.

Вчера беседа с братом Бруно не понравилась мне до чрезвычайности, но по здравом размышлении я решил ей большого значения не придавать. Ни одна из подмеченных дознавателем нестыковок сама по себе ничего не значила, каждой из них имелось множество вполне разумных объяснений. Ни свидетельских показаний, ни прямых улик против меня не было, а странности...

На столь хлипком фундаменте не сумеет выстроить дело даже Кабинет бдительности, если вдруг события начнут развиваться по самому скверному для меня сценарию. Опасаться совершенно нечего!

Только вот мушкет... Я с обреченным вздохом повесил чехол со штуцером на плечо, накинул сверху плащ, взял шляпу и покинул доходный дом через черный ход. Если за вчерашними расспросами брата Бруно все же скрывается нечто

большее, нежели стремление прояснить озвученные странности, за мной вполне могли установить наблюдение. И пусть ничем противозаконным я заниматься сейчас не собирался, но и афишировать свои знакомства не хотел.

Внимательно оглядевшись, я выскользнул из переулка и сразу юркнул в соседний проходной двор. Оттуда свернул в темный проход меж домами, где отчаянно воняло застарелой мочой, и уже через минуту очутился на соседней улице, которая вскоре и привела меня на уже знакомую набережную Ливы.

У реки, несмотря на ранний час, оказалось многолюдно. Ехали телеги и кареты, шумными компаниями шествовали школяры, спешили по своим делам не слишком-то приветливые обыватели. Тут же под пронзительный свист, крики и улюлюканье кого-то всем миром били; среди взбудораженной толпы мелькали зеленые мундиры квартальных надзирателей, но воспрепятствовать расправе стражи порядка при всем своем отнюдь не показном усердии не могли.

Дождавшись просвета в потоке телег, карет и верховых, я перебежал через дорогу и вышел на высокий берег Ливы. Как и в других городах с многовековой историей, уровень мостовых здесь беспрестанно повышался: сначала на улицы вываливали мусор, а после засыпали его грунтом и щебнем. Первые этажи домов постепенно скрывались под землей, а после многочисленных пожаров здания отстраивались заново уже на новом уровне.

Река лениво текла внизу, от набережной к ней спускались каменные лестницы. В темную воду далеко выдавались причалы, а на невысокой волне покачивались лодки и рыбацкие ялики, шли вниз по течению баржи. Другой берег реки был существенно ниже; судя по белесым разводам на камнях и стенах, в наводнения его нередко подтапливало. Дома в Нистадде казались неказистыми и неухоженными, у большинства из них каменными были только первые этажи. Вдоль Ливы там тянулись многочисленные мастерские, красильни и склады, небо затягивали клубы валившего из труб дыма, а на воде колыхался мусор. Особенно много отбросов скопилось у заросшей камышом отмели на изгибе реки.

Вдоволь налюбовавшись этим не слишком-то и живописным видом, я зашагал по набережной и вскоре вышел к мосту, по краям которого толпилось просто бесчисленное количество нищих. Все они, как один, дергали за рукава и полы плащей прохожих, возниц и пассажиров повозок, совали им в лица воспаленные культы и орущих младенцев, выставляли напоказ гнойные язвы и жутчайшие

увечья, а уж с костылями был и вовсе каждый второй.

Шум, гвалт, нескончаемый визг. Соловьиным мост был назван с изрядной долей иронии; от пронзительных криков у меня едва не закладывало уши.

Среди попрошайек крутились верткие мальчишки-карманники, и я взял в правую руку волшебную палочку, которой и без всякой магии мог приложить зарвавшегося воришку. Но не пришлось – вокруг меня моментально образовалось свободное пространство; я разом перестал существовать и для нищих, и для малолетних прохиндеев.

Каменной брусчатки в Нистадде не было вовсе, лишь вдоль берега тянулась деревянная мостовая, а дальше в грязь были набросаны доски, по которым и пробирались местные обитатели. Мало кто шагал напрямик по зловонным лужам; через иные из них едва-едва проезжали телеги.

Да еще, ко всему прочему, прохожие на североимперском наречии не говорили, а квартальных надзирателей здесь не было и в помине. Вместо цеховой стражи на перекрестках отирались молодчики столь подозрительного вида, что по спине в ожидании неминуемых неприятностей побежали мурашки. Справляться у жуликов о пансионе вдовы Блом совершенно не хотелось.

После пары неудачных попыток расспросить местных обитателей я всерьез вознамерился прибегнуть к своим магическим способностям и даже зажал в левой руке четки святого Мартина, но в последний момент передумал и торопиться с этим не стал. Эфирное тело еще толком не восстановилось, нагружать его лишний раз не хотелось. Так что я плюнул на условности и зашел в первое попавшееся заведение, к слову, оказавшееся борделем. Впрочем, судя по красным стеклам потушенных на день фонарей, на этой улице веселые девицы обитали во всех домах без исключения.

– Фру Блом? – переспросил вышибала, чьи закатанные рукава открывали мощные татуированные предплечья, и принялся буравить меня пристальным взглядом, но потом все же соизволил подсказать дорогу: – Прямо по улице, там налево и сразу направо. Дом с розами.

Я поблагодарил громилу и отправился в указанном направлении. Заодно переложил магический жезл из правой руки в левую и заранее покрутил им,

разминая запястье. Как не раз и не два говорил школярам, беспечный ритуалист – мертвый ритуалист. Истинным волшебникам в этом плане куда как проще, но чего уж теперь...

Дойдя до ближайшего перекрестка, я повернул налево, завертел головой по сторонам и на другой стороне улицы почти сразу углядел обшарпанный двухэтажный дом. Выставленные за окна цветочные ящики топорщились голыми стеблями розовых кустов. И тут же легонько дрогнули намотанные на запястье четки. Цель моих поисков была совсем рядом.

Пришлось сойти с досок и побрести через дорогу по щиколотку в грязи. Ладно еще у входной двери лежала деревянная решетка, и, прежде чем войти в пансион, получилось очистить о нее подошвы сапог. Небольшой общий зал на первом этаже был заставлен столами, там могло разместиться полторы дюжины человек, но сейчас завтракали только двое: Уве и развалившийся напротив него худощавый черноволосый сеньор в сапогах, кожаных штанах, жилете и синей льняной рубахе.

Сеньор с некоторой даже ленцой отщипывал цепкими пальцами мякиш белого хлеба, сминал его в небольшие шарики и отправлял их в миску Уве. Мой слуга всякий раз ежился, но глаз от похлебки не отрывал, словно боялся спровоцировать обидчика на более решительные действия.

– Развлекаетесь? – усмехнулся я, и Уве подскочил, едва не перевернув при этом скамью.

– Магистр! – завопил он в изумлении.

Черноволосый сеньор лет тридцати на вид неуловимым движением оказался на ногах, кинул невесть как оказавшуюся в руке шпагу и порывисто шагнул навстречу. Хватка у него оказалась воистину медвежья, у меня едва не хрустнули ребра.

– Полегче, Микаэль! – попросил я, с трудом переводя дух.

Маэстро Салазар похлопал меня по спине и лишь после этого разжал объятия, отступил на шаг назад и растопырил в улыбке черные усы. Смуглая кожа, темные волосы и грубые черты лица выдавали в нем уроженца Лавары.

Взрывной темперамент выходцев из южной провинции давно уже стал притчей во языцах, а Микаэль если и отличался в этом отношении от земляков, то исключительно в худшую сторону. Он готов был драться на дуэлях по поводу и без и как к своим тридцати годам еще не отправился на небеса, оставалось для меня загадкой. Впрочем, где черноусый гордец и где небеса?

Происходил маэстро Салазар из захолустного дворянского рода – одного из тех почтенных семейств, старшие сыновья которых кичатся древностью фамилии, а младшие ищут успеха на кончике шпаги. К тому времени, когда неожиданно проявился его колдовской дар, Микаэль уже прекрасно фехтовал, но благоразумно позабыл о карьере бретера и стал... целителем. Работа с живой плотью давалась ему невероятно легко. Сращивать сломанные кости и заживлять открытые раны умели многие, но маэстро брался за несказанно более сложные случаи, брался – и добивался успеха. Жизнь семейства понемногу наладилась, призрак нищеты отступил, появилась возможность дать хорошее образование младшим братьям.

Все переменялось, когда умы и души людей отравило учение ересиарха Тибальта. Колдуны – ритуалисты или истинные, не важно! – оказались вне закона. И вне закона оказались их семьи. Однажды в имение Салазаров нагрянула толпа фанатиков из числа знакомцев и соседей, в живых там не оставили никого. Сам маэстро во время бойни был в отъезде, а по возвращении слегка повредился умом и зачерпнул столько силы, что неминуемо должен был воссиять, но не воссиял. Скорее уж наоборот. Как уже говорил, работа с живой плотью всегда легко давалась Микаэлю, и мне не хотелось даже вспоминать, каким именно образом рехнувшийся целитель расправился с еретиками. Когда наша рота вошла в его деревушку, в живых из ее обитателей оставались только те, кто успел попрятаться в погребах и подвалах, да малые дети.

С тех пор Микаэль никогда больше не использовал свой талант целителя, а память топил в вине. И вот что странно – на столе обнаружилась пара мисок с похлебкой, краюха белого хлеба, половина головки сыра и палка сырокопченой колбасы, а бутылок не было вовсе.

– А мы-то боялись, что волки уже обглаживают косточки Филиппа! – покачал головой Микаэль, и в его черных глазах заплясали веселые дьяволята. Как видно, за мою жизнь он несколько не волновался.

– Пришлось задержаться в империи, – пожал я плечами, опускаясь на лавку.

Уве наконец переборол изумление и запричитал:

- Магистр! Мы не знали, что делать...

Я приложил к губам указательный палец, призывая слугу к молчанию.

- На какое-то время я не магистр и не Филипп вон Черен, а Рудольф Нуаре. Объясню позже.

Маэстро Салазар усмехнулся и продекламировал:

- Невинным агнцем прикинулся волк, задрал пастушка и в лес уволок?

Я отмахнулся и спросил:

- Чем занимались, пока меня не было?

Уве заметно смутился, но все же источника своих доходов скрывать не стал.

- Обучаю грамоте и счету детей ремесленников. Брать за урок приходится на треть меньше здешних школяров, но на еду хватает.

Микаэль фыркнул:

- Истину глаголет юноша! Мы не умерли с голоду исключительно по милости фру Эммы, вдовы мясника!

- Как так? - заинтересовался я.

- Сначала Уве обучает малолетнего оболтуса грамоте, а после удовлетворяет потребность в мужском обществе его маменьки, - осклабился маэстро Салазар и со значением указал на колбасу. - Меняет, так сказать, палку на палку.

Бедный Уве покраснел до корней волос и разинул рот, но от возмущения не смог вымолвить ни слова.

– Вы... Да вы... – только и выдавил он из себя.

Я отрезал кусочек колбасы, закинул в рот и прожевал.

– Вкусно. А что, вдова – старая и некрасивая?

– Вот уж нет! – ухмыльнулся Микаэль, дернув себя за ус. – Дама в самом соку!

– Уве?

Паренек смущенно кивнул.

– Ей нет и тридцати, – подтвердил он с непонятым вздохом. – Рано вышла замуж, рано овдовела...

– А любовника завести не может, – отметил маэстро Салазар. – Мужнины братья мигом обломают ему бока, чужаки в семейном деле не нужны. А школяр – так... вроде мальчика по вызову, кроме как на дармовую колбасу, ни на что претендовать не станет.

– Я не жиголо!

– Никто этого и не говорил, – успокоил я слугу и обратился к маэстро: – А ты, Микаэль, полагаю, учишь фехтованию оболтусов постарше?

Салазар лишь покачал головой.

– В этом паршивом городишке фехтмейстеров как собак нерезанных! – презрительно скривился он. – А школярам премудрости фехтования неинтересны, им лишь бы покрасоваться на своих потешных дуэлях!

– Тогда что?

Уве отодвинул от себя тарелку и с нескрываемым злорадством заявил:

– Водит богатеньких бургеров по местным шлюхам!

Если мой слуга намеревался уязвить маэстро, то цели своей он не достиг.

- Так и есть, - спокойно подтвердил Микаэль. - Все так и есть.

Как оказалось, в Старом городе продажных девок гоняли с улиц квартальные надзиратели, не было там и публичных домов, зато своими борделями славился Нистадд. Школяры, мастеровые и даже почтенные отцы семейств отправлялись развлекаться на этот берег, и, если в районе набережной было относительно безопасно, то вглубь района чужаки захаживали на свой страх и риск. Это не останавливало любителей острых ощущений, и маэстро Салазар защищал таких гуляк во время их ночных эскапад от местных любителей легкой наживы.

- Озолотиться не озолотился, - усмехнулся Микаэль, - но на оплату пансиона и конюшни денег хватает.

- А остальное он тратит на вино, - вновь не смог промолчать Уве.

- А что мне еще остается? - удивился маэстро Салазар. - От здешнего пойла я бы загнулся еще зимой!

Я покачал головой, достал кошель с остатками медных фердингов и кинул его слуге.

- Я снял мансарду в Княжеском дворике, это в Старом городе. Если понадобится, ищи меня там.

Уве с благодарностью кивнул.

- Только новых учеников не бери, скоро ты мне понадобишься, - предупредил я и обратил свое внимание на маэстро. - Прогуляемся?

Микаэль поднялся и взял со стола длинную шпагу в потертых ножнах.

- Прогуляемся или прогуляемся? - спросил он со значением. Черные глаза глянули на меня неожиданно серьезно.

– Выберемся за город на пикник, – сказал я. – Выгуляем лошадей, обсудим дела.

У моего слуги при этих словах явственным образом вытянулось лицо.

– А я? – спросил Уве, не скрывая огорчения.

– А ты приготовь нам съестного, – попросил я, встал с лавки и похлопал его по плечу. – Не дуйся! В Мархофе ты все видел своими глазами, я просто введу Микаэля в курс дела.

– Спешу зарабатывать в поте лица на хлеб насущный! – напомнил маэстро Салазар, соединил в кольцо указательный и большой пальцы левой руки и пару раз хлопнул по ним открытой ладонью правой. – Вдовушка заждалась!

Уве вновь покраснел и выбежал из комнаты, но вскоре принес небольшую корзинку и принялся собирать в нее со стола хлеб, колбасу и сыр. Микаэль сходил наверх и вернулся с тремя бутылками вина, чем меня несколько не удивил. Поразился бы я скорей, не возьми он с собой на загородную прогулку спиртного вовсе.

– И вот что еще, Уве, – сказал я напоследок. – Походи по травникам, поспрашивай корень мандрагоры.

Паренек разинул рот от удивления:

– А зачем?

– Затем, что я тебя об этом попросил.

– Но это же запретное зелье! Меня могут арестовать!

– Уве! – повысил я голос. – Ты работаешь на меня, это официальное поручение. Если возникнут проблемы, требуй встречи с магистром-управляющим Киргом. Все понял?

Слуга кивнул, но без особой уверенности.

– Сделаю, магистр, – пообещал он, с трудом перебарывая сомнение.

– Сделай! – потребовал я и за маэстро Салазаром отправился на задний двор пансиона. Вслед мне донесся тягостный вздох. Как видно, идея поступить на службу к магистру Вселенской комиссии растеряла для Уве львиную долю своей привлекательности.

2

Сборы много времени не заняли, очень скоро мы взнуздали скакунов и вывели из сарая на задний двор. Мне досталась лошадка Герды, а Микаэль взял под уздцы и повел на соседнюю улицу жеребца Ганса.

– Там в грязи завязнем, – махнул он рукой в сторону парадного входа.

Судьбой Болта маэстро интересоваться не стал, явно ожидая, что узнает обо всем в свое время. Я же пока разговор начинать не спешил.

Мы вышли со двора, забрались в седла и без всякой спешки поскакали к ближайшим городским воротам. Дорога здесь и в самом деле была заметно шире; с одной ее стороны проложили деревянные мостки, с другой к реке тянулась помойная канава, в которую стекали дождевая вода и нечистоты. Из-за этого проезжая часть не превращалась в непролазное болото, повозки и экипажи ехали споро, не увязая колесами в грязи.

Но местами все же попадались глубокие лужи, в одной из них даже увязла карета. Кучер с кряхтеньем тянул лошадей за поводья, а охранник и пара соблазненных легким заработком оборванцев толкали экипаж сзади. Миловидная сеньора с нескрываемой тревогой глядела в окошко и обмахивалась веером, маэстро Салазар галантно приподнял шляпу и продекламировал:

– Чудесные глаза сразили как картечь! Я всех готов забыть, у ваших ног прилечь...

Дама благосклонно улыбнулась, ей точно не доводилось видеть, как именно «разит картечь». Охранник нахмурился, но благоразумно промолчал. Микаэль посмотрел на него с некоторым даже разочарованием.

– Ужасные вирши, – заметил я, когда карета осталась позади.

Маэстро Салазар отмахнулся, не принимая упрека.

– Ты удивишься, сколько дуэлей случилось из-за моего стихотворного дара! Он воистину ниспослан мне самими небесами!

Я только покачал головой. Стихи, карты и женщины интересовали моего спутника лишь как повод ввязаться в поединок. Беззаветно и бескорыстно он любил только вино.

За городскими стенами разгулялся легкий ветерок, и я порадовался тому, что надел плащ, а вот маэстро Салазар ограничился камзолом и потому зябко ежился. Впрочем... вовсе не уверен, что руки Микаэля дрожали исключительно из-за холода. Его вполне могло донимать похмелье, а не свежий воздух.

– Когда будем возвращаться, тебе придется оплатить за меня сбор, – предупредил маэстро Салазар, едва мы пересекли мост и направили лошадей прочь от города.

– Совсем без денег?

Мой спутник в ответ лишь пожал плечами, тогда я кинул ему тощий кошель, куда заранее ссыпал полдюжины марок серебром.

– Премного благодарен, – улыбнулся Микаэль и повернул на неприметную тропинку, петлявшую меж деревьев.

Я нагнал помощника, поравнялся с ним и спросил:

– Как обстановка в городе?

– Как в пороховой башне с разбившейся масляной лампой, – образно ответил маэстро Салазар. – Поговаривают, бургграф хочет к чертям собачьим спалить Нистадд и застроить район заново. Спокойствия местным это, сам понимаешь, не

добавляет. Того и гляди, начнутся волнения. Хватит одной искры. – Он с довольным видом хохотнул: – Искры, ха!

– А в Старом городе? – уточнил я.

– Бюргерам на Нистадд плевать, – сообщил Микаэль, – но бургграфа они любят ничуть не больше. Он пришлый, да еще постоянно вводит новые подати. Налог на окна, как тебе такое нравится? Ну и медные деньги уже у всех в печенках сидят.

– Небось под Фирлан лечь хотят? – догадался я, вспомнив шумное собрание и попытку арестовать возмутителя спокойствия в день своего приезда в город.

– Не без этого, – подтвердил мой спутник.

Мы проехали небольшой лесок и очутились на просторной поляне с вкопанными в землю лавками. Неподалеку чернела площадка вытопанной земли, а дальше среди деревьев проглядывала гладь спокойной речушки.

– Здесь проводят дуэли, – пояснил Микаэль, слезая с коня. – Это босота друг друга в Нистадде беспрепятственно режет, а благородным на людях поединки устраивать не с руки. В городе укромных мест не найти даже на кладбищах. Непременно кто-нибудь квартальных надзирателей кликнет.

Мы расположились на одной из лавок и открыли корзинку. Я начал нарезать хлеб, сыр и колбасу, маэстро занялся бутылкой. Ловко избавившись от сургуча, он выбил пробку и разлил вино по прихваченным с собой кружкам.

– Майнрихтское, – сообщил он мне. – Не самое плохое, но ему определенно недостает изысканности. Как и самим селедкам. Приземленные они все какие-то, что ли...

Я поднял кружку и сказал:

– За Хорхе!

Мы выпили, и Михаэль тут же наполнил свою опустевшую кружку по новой. Глаза у него заблестели, а движения стали плавными и растеряли некоторую суетливость. Мой спутник словно испил живой воды.

– Рассказывай, во что вы там без меня впутались. Так понимаю, байки Уве надо делить надвое.

Я взял себе хлеба, сыра и колбасы и без лишней спешки принялся вводить Микаэля в курс дела. На вино старался не налегать, а вот маэстро добил первую бутылку и сразу принялся откупоривать следующую.

– Вот уж никогда бы не подумал, что у Ланзо вместо головы ослиная задница, – проворчал он, узнав о предательстве перекупленных живоготов. – Ганс всегда за ним как хвостик бегал, своего ума не было. С Греты и взятки гладки, баба – дура. А вот Угорь удивил. Что есть, то есть... – Михаэль хлебнул вина и задумчиво уставился в кружку, потом вдруг повернулся ко мне и сказал: – Не нравится мне все это. Слишком много совпадений. Так не бывает!

Я прожевал бутерброд и запил его глотком вина, затем подставил лицо ласковым лучам весеннего солнышка и попросил:

– Поясни.

Маэстро Салазар вскочил на ноги, принялся вышагивать из стороны в сторону, яростно топорща усы. Эмоции превратили его грубое, но при этом не лишённое привлекательности лицо в гротескную демоническую личину.

– Риер! Дилижанс с подручными чернокнижника! Расследование в Мархофе! – перечислил он. – Все это – звенья одной цепи. Невозможно все объяснить одной лишь слепой случайностью!

– Ну ты хватил! – рассмеялся я. – За чернокнижником, которого я уложил под Стожьеном, действительно охотился Кабинет бдительности, и у Кабинета бдительности был свой интерес в Мархофе, но не приплетай к этому еще и Риер! Если бы не твой длинный язык, вы бы не сцепились с теми молодчиками!

– Брось, Филипп! – резко отмахнулся Микаэль. – Сколько раз повторять: меня спровоцировали! Это были не случайные люди, а умелые бретеры. Они просто не знали о Ланзо и Гансе, иначе не дали бы заколоть себя как свиней. Важно то, что случилось дальше!

– Дальше? – разозлился я. – Дальше живоглоты сделали ноги, а ты был так пьян, что позволил себя арестовать!

Маэстро Салазар осушил кружку и зло выкрикнул:

– И что с того?! На меня напали! – Он замолчал, раздувая крылья крупного носа, затем уже спокойней продолжил: – Я не какой-нибудь безродный бродяга, я дворянин и работаю на магистра Вселенской комиссии! Меня должны были с извинениями отпустить, а вместо этого бросили в кутузку, будто преступника! И заметь, все это – с полного одобрения той грудастой... маркизы.

Я кивнул. Именно сеньора Белладонна не позволила мне надавить на городские власти через местное отделение Вселенской комиссии. Пусть наши отношения на тот момент и оставляли желать лучшего, но все же реакция Адалинды на банальную кабацкую поножовщину и в самом деле показалась тогда чрезмерной.

Микаэль вылил остатки вина в свою кружку, сделал длинный глоток, потер заросшую черной щетиной щеку и принялся расстегивать пуговицы камзола, словно его вдруг бросило в жар.

– Думаю, те бретеры получили приказ перерезать тебе глотку и решили для начала устранить меня. В итоге они оказались мертвы, а я за решеткой. И знаешь что, Филипп? Ты должен был вытащить меня! Должен, не спорь! Но получил срочный вызов и укатил с Хорхе. Бросил меня одного!

– Я и так задержался из-за тебя на два дня! – напомнил я.

– Не в обиду тебе будет сказано, но мог бы и упереться, – сказал маэстро Салазар. – Мог, ведь так? Тогда бы в Мархоф послали кого-нибудь другого, только и всего. А ты... ты должен был остаться! Я был уверен, что ты не бросишь меня. И так же думал тот, кто все это подстроил. А ты взял и сделал всем ручкой. Такого точно никто не ожидал!

– Епископ Вим просил прислать именно меня. Я не мог отказать. И ты ошибаешься: Адалинда не могла знать о моем назначении. Информация пришла по эфирному каналу лишь на следующий день после твоего ареста.

Маэстро Салазар покачал головой.

– Организуй это все маркиза, нас бы прирезали в какой-нибудь темной подворотне. Ей вполне под силу подрядить на дело не трех бретеров, а дюжину. Полагаю, дамочку просто попросили об услуге.

– Кто именно ее попросил, скажи на милость?

– Тот, кто подвел тебя к дилижансу.

Я стряхнул с ладоней хлебные крошки и поинтересовался:

– Ты перебрал вчера вина, Микаэль? К чему такие сложности? Если бы Кабинет бдительности не желал моего появления в Мархофе, я пропал бы по дороге в город!

– Именно! – нацелил на меня указательный палец маэстро Салазар. – Попахивает чьей-то самодеятельностью.

– Иди ты! – ругнулся я, взял пустую бутылку и унес ее на другой край поляны шагов за тридцать от нашей лавочки. Вернулся и вынул из кожаного чехла штуцер, затем выложил на лавку пару пороховниц, мешочек с пулями и стопку матерчатых пыжей.

Микаэль посмотрел на меня с кривой ухмылкой и уточнил:

– Тот самый чудо-мушкет герхардианца, надо понимать?

– Именно, – подтвердил я, отмерил порох и вложил в ствол вытянутую пулю. – Прицельно бьет на триста шагов!

– Вздор! – не принял мои слова всерьез маэстро, обнажил шпагу и резким ударом снес горлышко третьей бутылки с вином. Возиться с сургучом на этот раз он не пожелал.

Я забил пыж, отложил шомпол и взял малую пороховницу. Добавил пороха на затравочную полку, надел головку ключа на взводной шпindel и провернул его, а затем прижал кремень к боковине стального колеса.

Прицел мушкета показался излишне сложным, я внимательно изучил его, прежде чем прижать приклад к плечу и поймать на мушку бутылку. Стоило потянуть неожиданно плавный спуск, и тут же пыхнул дымом затравочный заряд, а миг спустя грохнул выстрел.

Микаэль следил за мной с нескрываемым скептицизмом. Когда земля взметнулась много дальше и немного левее импровизированной мишени, он пару раз хлопнул в ладоши и презрительно фыркнул:

– Триста шагов! Ну конечно!

К огнестрельному оружию маэстро испытывал непонятную мне предубежденность, поэтому я не стал ничего ему доказывать, перезарядил мушкет и следующим же выстрелом разнес бутылку вдребезги.

Микаэль только пожал плечами и приложился к кружке с вином.

– Думаешь, орден поверил в твою историю?

– А что им еще остается? – усмехнулся я и принялся готовить штуцер к следующему выстрелу. – Пока все не утихнет, буду держаться от них подальше. А там... Забудут!

Салазар поднял лицо к небу и зажмурился.

– Солнце-солнце светит-светит... – пробормотал он.

Крепкое вино неожиданно быстро ударило маэстро в голову, да я и сам, хоть выпил совсем немного, ощущал растекшееся по телу тепло.

– Да, Филипп! Что же задержало тебя в империи? – спросил Микаэль, взвесил в руке изуродованную бутылку и поглядел через нее на просвет. – Ты так и не рассказал.

Я поморщился, но все же умалчивать о приключившейся со мной истории не стал. Поведал маэстро о Марте, попутно высмотрел старый вяз с дуплом шагах в ста от нас, прицелился, выстрелил и промахнулся. Пуля расщепила сук, вновь уйдя левее и выше.

На этот раз Микаэль никак неудачный выстрел не прокомментировал, он пил вино и слушал мой рассказ, в кои-то веки не вставляя неуместных замечаний. Следующая пуля легла точно в дупло, и я довольно улыбнулся, затем предупредил маэстро:

– Если вдруг увидишь меня с беловолосой тощей девицей, предупреди незаметно. Боюсь, Марта крепко обосновалась у меня в голове. Сам я могу ее и не узнать.

– Марта... – протянул Микаэль, осушил кружку и вдруг продекламировал:

– Лицом невинна как застывшая вода,

В девичьем сердце зрела нега лишь однажды,

Встав за спиной твоей, когда вонзила в тело нож,

Не кровь в тот миг бежала, но любовь по венам!

– Ты даже не стихоплет, ты стихоложец, – фыркнул я в ответ и прицелился в корягу на другом берегу реки.

До той было никак не меньше двух сотен шагов, поэтому пришлось несколькими глубокими вдохами погрузить себя в легкий транс и толкнуться вперед волей. На краткий миг сознание раздвоилось, истинное зрение сосредоточилось на замшелом дереве, руки сами навели штуцер на цель и потянули спусковой крючок.

Грохнуло, и я различил, как после явственной задержки от коряги полетели щепки.

Микаэль допил остатки вина и посмотрел на меня с нескрываемым неудовольствием.

– Ты закончил?

– Вполне.

Я намотал на шомпол ткань и кое-как очистил ствол от нагара, затем убрал мушкет в чехол и вместе с подсумком вручил его маэстро.

– Будь добр, придержи пока у себя.

Микаэль в пустяковой просьбе отказывать не стал, зябко поежился и застегнул камзол на все пуговицы.

– Едем-едем? – спросил он, с тоской поглядев на пустые бутылки.

– Едем, – подтвердил я, но сразу придержал маэстро Салазара за руку. – Не налегай на выпивку. Сегодня у меня встреча с магистром-управляющим, будем работать.

Микаэль кивнул.

– Всегда одно и то же, – вздохнул он, махнул рукой и нахлобучил на голову шляпу. – К твоим услугам, Филипп!

– Рудольф, – поправил я его, развернулся и зашагал к лошадям. – Меня зовут Рудольф...

З

С Микаэлем я расстался у Соловьёвского моста. Маэстро повел лошадей к пансиону, а я перешел на другой берег, заплатил за чистку сапог и, не желая

блуждать по незнакомым кварталам в поисках Управы благочестия, столкнулся о проезде с владельцем двуколки. И нисколько, надо сказать, о потраченных монетах впоследствии не пожалел. Черный двор на Ключатан был выстроен на другом конце Старого города; пешком туда было топтать и топтать.

Пока ехали, я не забывал посматривать по сторонам. На глаза то и дело попадались компании встревоженных горожан и хмурые физиономии квартальных надзирателей, а плечистые молодчики из цеховой стражи все, как один, вооружились крепкими палками. Неподалеку от опекаемых ими перекрестков неизменно обнаруживались телеги – то пустые, а то и заставленные бочками. При желании загородить проезд было делом считанных минут. Сгустившееся напряжение ощущалось буквально на физическом уровне.

Черный двор и в самом деле оказался черным. Немалых размеров здание было выстроено из темно-красного кирпича, стены покрывал толстый слой копоти и сажи. У распахнутых настежь ворот скучали трое младших полицейских чинов, на меня они даже не взглянули. Я беспрепятственно пересек двор, миновал конюшню и поднялся на высокое крыльцо управы. Внутри бегали растрепанные клерки; один из них удосужился выслушать меня и отправил на третий этаж, где и располагался кабинет полицмейстера.

В приемной за погребенным под кипами бумаг столом что-то увлеченно писал худощавый и бледнокожий молодой человек в цивильном платье. Горло его было замотано теплым шерстяным платком, глаза припухли и покраснели. И, ко всему прочему, он беспрестанно шмыгал носом.

– У себя? – справился я у секретаря о главе управы.

Болезненного вида сеньор молча покачал головой.

– А скоро будет?

На этот раз ответом стало неопределенное пожатие узкими плечами. Секретарь вновь вернулся к письму, но терять время попусту на повторный визит сюда мне нисколько не хотелось, поэтому я напомнил о своем присутствии, представившись.

– Магистр Вселенской комиссии вон Черен.

Молодой человек с досадой бросил перо в чернильницу и поднял взгляд, ожидая продолжения.

- На мое имя должен быть выправлен патент на владение пистолями и мушкетом.

Секретарь поджал губы, но все же принялся рыться в стопках бумаг и - о чудо! - очень быстро обнаружил искомое. Все так же не произнеся ни слова, он протянул мне патент и лист с пороховыми марками и вернулся к работе.

- При простуженном горле хорошо помогает отвар ромашки, - не удержался я и дал непрошенный совет, прежде чем покинуть кабинет.

В обратный путь я отправился пешком, благо теперь имел некоторое представление, где именно нахожусь, да и мостовые Старого города были не чета дорогам Нистадда с набросанными в непроходимую грязь досками. После не слишком сытного завтрака желудок понемногу начинало подводить от голода, но, памятуя о намерении Джерваса Кирга встретиться со мной в два пополудни, я попадавшимися по пути тавернами не соблазнился. И не прогадал: хоть и подошел к доходному дому за полчаса до назначенного срока, на другой стороне улицы меня уже дожидалась знакомая карета с символикой Вселенской комиссии по этике на дверцах.

Подивившись столь явному пренебрежению основами конспирации, я внимательно огляделся по сторонам и спешно забрался внутрь.

Магистр-управляющий при моем появлении закрыл потрепанную книгу и осведомился:

- Как устроились, Рудольф?

- Все хорошо, спасибо, - улыбнулся я в ответ. - Что с заданием?

- Предварительная... как бы сказать... договоренность достигнута, - известил меня Джервас Кирг и сложил пухлые ручки на животе.

Только сейчас я заметил отсутствие на пальцах собеседника перстней. Причиной тому, полагаю, была излишняя полнота.

– Но пока еще ничего не решено, – предупредил все же магистр-управляющий. – Сейчас мы едем на встречу с епископским викарием и приором здешней миссии герхардианцев.

У меня от изумления буквально округлились глаза.

– Но позвольте, магистр, разве церковь не ладит с черно-красными столь же хорошо, как кошка уживается с собакой?!

Толстячок кивнул:

– Все так и есть, Рудольф. Все так и есть. Но... как бы сказать... конкретно в этом деле их интересы совпадают. Как и наши... Как и наши...

Ехали недолго, уже минут через десять кучер свернул в арку и остановил лошадей в глухом дворике рядом с двумя куда более представительными экипажами. Створки ворот немедленно сомкнулись, отрезав нас от улицы. Лица дежурившей при них челяди излишней одухотворенностью не отличались; на вид это были сущие головорезы.

– Идемте, Рудольф! – позвал меня за собой магистр-управляющий и прошел в дом.

Я поспешил следом, на ходу прислушиваясь и принюхиваясь. Пахло едой, откуда-то доносился приглушенный гомон голосов. Возникло даже ощущение, будто мы находимся в служебных помещениях обычной таверны.

Джервас Кирг первым начал подниматься по скрипучей деревянной лестнице. Он то и дело останавливался, тяжело отдувался и протирал платочком вспотевшее лицо. Я не торопился и спутника не обгонял отнюдь не только в силу хорошего воспитания. Если начистоту, грядущее общение с приором герхардианцев меня определенным образом нервировало.

Встречу нам назначили на третьем этаже в просторной светлой комнате с окном, из которого открывался вид на изгиб Ливы, поднятую ветром рябь, камыши и покачивающийся на свинцовых волнах мусор.

Но что мне до вида из окна? При желании шторы можно и задернуть. А вот дожидавшиеся нас сеньоры – это совсем другое дело...

Епископский викарий и приор герхардианцев оказались полными противоположностями друг друга. Первый – костлявый и невысокий, с чисто выбритым лицом прибыл на переговоры в строгой черной сутане, второй – бородатый и массивный, с бочкообразным торсом, явился в мирском платье, будто нарочно подчеркивая неофициальный статус беседы.

– Ваше преподобие! Ваше высокопреподобие! – поздоровался магистр-управляющий и, переваливаясь с бока на бок, засеменял к столу. Тот был сервирован на четыре персоны, поэтому я переборол нерешительность и двинулся следом.

Джервас Кирг опустился на жалобно скрипнувший под его весом стул и лишь после этого представил меня:

– Магистр-надзирающий Филипп вон Черен. Сейчас... как бы сказать... проживает в городе под именем Рудольф Нуаре.

– Наслышан, – дружелюбно улыбнулся приор.

Мастерства лицедея ему было не занимать; нисколько не сомневаюсь, что брат Бруно крыл меня после разговора в купальне последними словами.

Викарий с интересом посмотрел на меня и предложил:

– Обсудим дела после трапезы.

Так и решили поступить. Мы вознесли благодарственную молитву и занялись выставленными на стол блюдами. Запеченная под маринадом рыба, фаршированная овощами утка и молочный поросенок оказались выше всяческих похвал, а вот вина на стол не выставили вовсе. Магистр-управляющий сразу

придвинул к себе графинчик со шнапсом, приор пил монастырское пиво, густое и крепкое, а викарий ограничился водой. После недолгих раздумий я последовал его примеру; хмель из головы выветриться еще не успел, а мне хотелось сохранить ясность мысли.

Первым тишину нарушил Джервас Кирг. Отвалившись от стола, он промокнул блестящие жиром губы салфеткой и указал на окно.

– Видите отмель, магистр?

Я кивнул.

– С некоторых пор течение прибывает туда обезглавленные и выпотрошенные тела. Обычно – раз в седмицу, иногда реже. Мужские и женские, когда как.

– Чрезвычайно интересно, – нейтрально заметил я и внимательно оглядел присутствующих. – Но не должна ли заниматься подобными делами Управа благочестия? Если речь идет о банальных убийствах...

– Банальных? – фыркнул викарий, и его костлявое лицо скривилось, будто в бокале вместо чистой воды оказался винный уксус. – Вы не видели тел, магистр! Над ними словно поработал живодер! Что же касается Управы благочестия, им по силам только шлюх с улиц гонять да забирать в холодную перебравших шнапса пьянчуг!

– Увы, – согласился с этим высказыванием Джервас Кирг, – все так и есть. Квартальные надзиратели нам не помощники. Помимо всего прочего, вода смывает следы темной волшбы, поэтому мы не можем доподлинно установить, имеют место ритуальные убийства или... как бы сказать... действия умалишенного.

– Нельзя исключать и происки еретиков, – добавил викарий.

Картинка в моей голове начала понемногу складываться, но оставался во всем этом деле один непонятный момент.

– Чернокнижниками должен заниматься орден. Еретиками – церковь. При чем здесь Вселенская комиссия?

– Нельзя исключать, что тела препарировал некий... как бы сказать... медик. Кроме того, нескольких убитых удалось опознать, один из них оказался школяром.

– О! – понимающе протянул я.

Джержас Кирг развел руками:

– У комиссии нет полномочий самостоятельно вести... как бы сказать... следственные мероприятия...

– Зато ими обладаем мы, – веско вставил приор.

– И мы, – в пику ему сказал викарий.

Парочка обменялась недобрыми взглядами, да так, что едва искры не полетели.

– Делом должен был заняться брат Стеффен, но он погиб на севере, – вздохнул герхардианец. – Дождаться приезда нового ловчего мы не можем, надо действовать незамедлительно. Магистр Кирг предложил вашу кандидатуру.

– Что ж... – пожал я плечами. – У меня есть некоторый опыт ведения расследований, но понадобятся...

– Нет! – перебил меня приор. – Следствием вы заниматься не будете! Рабочая гипотеза у нас уже есть, и даже установлен круг подозреваемых. Ваша задача – добыть доказательства.

Я откинулся на спинку стула.

– Весь внимание.

Магистр-управляющий тяжело поднялся из-за стола и отошел к окну. Вдаваться в детали ему определенно не хотелось, вот только остальные назначили на роль гонца с дурными вестями именно его.

– У нас появились подозрения в отношении одной конкретной особы, но для проведения официального дознания не хватает улик.

– Да говорите уже прямо, Джервас! – потребовал приор и в сердцах пристукнул по столу немалых размеров кулаком. – Мы подозреваем в причастности к убийствам графиню Меллен, но совершенно невозможно ни устроить обыск в ее резиденции, ни даже просто допросить. Городская ассамблея поднимет крик до небес, а обстановка в городе и без того напряжена до предела!

– Неприкосновенных нет, – веско произнес викарий, сложив ладони лодочкой, – просто на текущий момент у нас отсутствуют неопровержимые улики. Ваша задача, магистр, их добыть.

Нестерпимо захотелось налить себе шнапса, но я сдержался и даже не помянул вслух ангелов небесных, хоть возглас этот так и вертелся на языке.

– Неужели нельзя проследить за местами, откуда тела могут сбросить в воду? – предпринял я отчаянную попытку отвертеться от участия в столь сомнительном расследовании. – Поставить людей на пути от резиденции к берегу...

Магистр-управляющий вновь испустил тяжелый вздох.

– В Стюгоре каждый чужак на виду, – с кислым видом прояснил он мне. – Полицмейстер по нашему настоянию отправлял людей курсировать вдоль берега на лодках, но за те две седмицы не случилось ни одного убийства.

– Зато очередной труп прибило к отмели на следующий же день после снятия наблюдения, – фыркнул викарий и наставил на меня указательный палец. – Магистр, вы должны добыть доказательства!

– Каким образом это себе представляет ваше преподобие? – спросил я. – Мне придется вломиться в резиденцию графини?

– Никакого разбоя! – отрезал викарий.

Джервас Кирг наконец развернулся от окна и снизошел до пояснений:

– Графиня известна своими приемами, и зачастую приглашения на них достаиваются... как бы сказать... персоны с не самой безупречной репутацией, а иной раз – и низкого происхождения. Например, школяры. Ее сиятельство отличается эксцентричным поведением, это давно уже никого не удивляет. Не придется красться в ее резиденцию под покровом ночи, она сама пригласит вас, магистр, не сомневайтесь.

– Откуда такая уверенность? – удивился я.

– Графиня овдовела несколько лет назад и с тех пор ведет себя несколько... как бы сказать... нет, не опрометчиво, скорее – ветрено, – пустился в объяснения магистр-управляющий.

– Слаба на передок! – неожиданно прямо и жестко заявил викарий.

– Все так, все так. Фаворитов у ее сиятельства за это время сменилось куда больше, чем это позволяют правила приличия. Вы точно заинтересуете ее.

– В самом деле?

– О да! – ухмыльнулся приор и огладил рыжеватую бороду. – Опрометчиво полагаться на людскую молву, но нам доподлинно известно, что в части чувственных удовольствий графиня испытывает некоторого рода неудовлетворенность и всегда находится в поиске новых ощущений. Человека с вашей репутацией она никак не проигнорирует.

– С моей репутацией? – непонимающе уточнил я.

Магистр отвернулся к окну, викарий посмотрел на меня с нескрываемым неодобрением, герхардианец подмигнул. Ситуация его откровенно забавляла.

– Ваше пристрастие к связыванию сыграет нам на руку. Мы найдем способ известить о нем людей из окружения графини, – сказал он и указал себе на

горло. – Вам останется только еще раз посетить купальни и продемонстрировать публике следы от веревок.

Я непроизвольно поправил шейный платок и хмыкнул:

– И что дальше?

– Дальше действуйте по обстановке. Постарайтесь втереться в доверие и попасть во внутренний круг ее сиятельства. Графиня Меллен – особа приятная во всех отношениях, вам точно не придется переступить через собственные... – приор помедлил и с улыбкой продолжил, – моральные принципы.

Джервас Кирг явственно хрюкнул, подавившись смешком, а вот с викария вполне можно было писать образ невесты как очутившегося в вертепе праведника. Он с превеликой охотой осудил бы и меня, и остальных, но как человек разумный ставил интересы церкви выше собственных суждений о должном поведении порядочного человека.

Но и дальше необходимого терпеть общество неприятных ему людей священник не собирался. Он резко поднялся из-за стола и слегка склонил голову, прощаясь.

– Ваше высокопреподобие, магистры...

Мы с Джервасом раскланялись с ним в ответ, а вот приор небрежно махнул нам рукой и поспешил за викарием, окликнув его на ходу:

– Ваше преподобие, постойте!

Когда мы остались наедине, магистр-управляющий вернулся за стол и переложил на свою тарелку остатки утки.

– Присоединяйтесь, Рудольф, – предложил он, налил себе шнапса и разрешил: – Спрашивайте! А то вы сейчас лопнете от невысказанных вопросов!

Пояснения моего новоявленного патрона ситуацию лишь запутали. С его слов выходило, что положение в городе предельно усложнилось после назначения бургграфом одного из приближенных венценосной супруги его королевского высочества. Местное дворянство приняло чужака из Майнрихта в штыки и принялось отчаянно интриговать против него и подбивать к тому же цехмейстеров и гильдейских старшин. Благо тех не пришлось даже особо раскачивать – введение новых налогов и без того раззадорило их до крайности. Да и хождением медной монеты не был доволен решительно никто.

Вслух Джервас Кирг этого не произнес, но уверен – все заинтересованные лица в столь непростое время предпочли бы закрыть глаза на выловленные из реки тела, вот только удержать в тайне убийства не получилось. Слухи ползли по городу один невероятней другого; поговаривали даже, что человечью требуху пускают в продажу под видом свиной. Нет, душегуба искать не прекратили бы ни при каких обстоятельствах – слишком уж вызывающе часто тот расправлялся с людьми, но и на столь рискованный шаг, как внедрение своего человека в окружение графини Меллен, никто бы не пошел. Огласка этой истории грозила грандиозным скандалом.

Да и улики против ее сиятельства не имелось даже косвенных. С убийствами графиню связали исключительно личности двух жертв. Первый был головорезом из Нистадда; за пару месяцев до гибели он был принят на службу в городскую резиденцию Меллен. Среди аристократов вдруг распространилось поветрие нанимать подобных персонажей и похвастаться ими, будто бойцовскими псами. Второй был совсем другого поля ягодой. Школяр медицинского факультета получил приглашение на устраиваемый графиней бал-маскарад, а на следующий день его изуродованное тело выловили из реки.

Головореза опознали по бандитским наколкам. Школяра – по характерному шраму, полученному им на дуэли. Волею случая, осматривал его тело тот самый профессор-медик, что в свое время накладывал на рану швы.

Еще две жертвы оказались уличными шлюхами; когда и при каких обстоятельствах они пропали, выяснить не удалось. Как не удалось выяснить имена остальных погибших.

– И этого достаточно для выдвижения столь серьезных обвинений? – не сдержал я удивления, выслушав магистра-управляющего.

– Покойников вылавливают обычно после устраиваемых графиней балов, – отметил тот.

– Но не только после них? – предположил я.

– И не всегда после них.

Я развел руками.

– Вот видите...

Джервас Кирг вздохнул.

– Оснований для открытия формального следствия в отношении ее светлости нет. Сказать начистоту, для этого у нас на руках должны быть прямые и неопровержимые доказательства ее вины. Несмотря на неоднозначную репутацию, графиня пользуется большим влиянием в... как бы сказать... определенных кругах. – Толстячок помолчал, пожевав губами, затем с усмешкой продолжил: – Но разработка этой версии даст нам в случае успеха, помимо поимки кровожадного монстра, еще и некоторые политические преференции. Ставки чрезвычайно высоки, поэтому подойдите к делу со всей ответственностью. Я не прошу подтасовывать доказательства. Просто держите глаза открытыми.

– Всегда, – улыбнулся я, обдумал услышанное и покачал головой. – Но мне нужно знать, что именно заставило объединить усилия нас, епископа и герхардианцев. Не люблю действовать вслепую.

Магистр-управляющий налил себе шнапса, выпил и поморщился.

– Официально убийствами занимается Тайная полиция. Сейчас их первостепенная задача – выявление фирланских эмиссаров, но и о наших покойниках они не забывают.

– При чем здесь политический сыск? – удивился я.

Джервас развел руками:

– Тайная полиция – любимое детище великого герцога, эти... как бы сказать... сеньоры отчитываются только перед ним. И, сами понимаете, невозможно допустить, чтобы простецы-живодеры преуспели там, где потерпели неудачу лучшие умы научного и церковного сословий. Иначе и глазом моргнуть не успеем, как лишимся всяких полномочий!

Я кивнул. Это многое объясняло. Многое, но не все.

– Мне доводилось слышать, что герхардианцы пользуются безмерной поддержкой его королевского высочества...

– Скорее, ее королевского высочества, – поправил меня магистр-управляющий. – В этом-то все и дело! Но это не та тема, которую станут обсуждать разумные люди, просто примите как данность.

Я кивнул, и мы перешли к обсуждению графини Меллен. Как оказалось, ее сиятельство обладала колдовским даром и даже прошла соответствующее обучение в местном университете, а помимо тяги к чувственным наслаждениям, всерьез интересовалась театром, слыла меценатом и обожала устраивать костюмированные приемы.

Под конец я требовал у магистра разрешение на доступ к служебным фондам университетской библиотеки, вышел на набережную, какое-то время присматривался к злосчастной отмени и попутно переваривал услышанное. Затем двинулся к ближайшему мосту и уже знакомой дорогой отправился к пансиону вдовы Блом. На этот раз зашел со двора и уже на подходе насторожился, услышав лязг стали о сталь. Осторожно заглянул за угол и увидел престранную картину.

Уве со шпагой в правой руке и магическим жезлом в левой вертелся как уж на сковородке, пытаясь не дать загнать себя в угол маэстро Салазару. Клинком мой слуга владел не так уж и плохо, да еще волшебная палочка короткими отрывистыми движениями свивала эфир в силовые жгуты, которые пытались оплести ноги противника, захлестнуть его оружие или откинуть прочь.

Обычный бретер давно оказался бы связан по рукам и ногам, но Микаэль легко уходил от магических атак и беспрестанно наступал, не позволяя пареньку сотворить никаких более серьезных чар. А под конец поединка маэстро и вовсе перехватил призрачное щупальце и дернул его на себя. Уве от неожиданности качнулся вперед и едва не получил эфесом шпаги по лицу; тот замер перед самым его носом.

– Но как? – прохрипел безмерно удивленный парнишка. – Вы же... Вы же отказались от дара!

Микаэль махнул рукой, словно стряхивая с нее остатки эфира, и улыбнулся, встопорщив черные усы.

– Но ты-то не отказался, мой юный друг. Это было твое заклинание, не мое.

Я не утерпел и похлопал в ладоши.

– Bravo! Bravo!

Уве только кисло улыбнулся и через голову стянул промокшую от пота сорочку. Взлохмаченные волосы паренька как и прежде торчали во все стороны, но сам он больше не казался таким уж откровенно тощим, а его жилистые руки и торс пестрели старыми и не очень отметинами от пришедшегося плашмя клинка. Маэстро Салазар полагал защитное облачение уделом неженков и учеников нисколько не жалел.

Уве прикоснулся к одному из припухших следов и тихонько зашипел через судорожно стиснутые зубы.

– Шрамы украшают мужчин, – заметил нисколько не запыхавшийся Микаэль. – Будет чем похвастаться перед вдовушкой.

Слуга скорчил недовольную мину и обратился ко мне:

– Вам что-то нужно, магистр, или я могу привести себя в порядок?

– Твой учебник о владении магическим жезлом... Ты ведь не продал его перед отъездом? Могу я позаимствовать его на какое-то время?

Уве чуть рот от изумления не открыл.

– Но зачем, магистр?

– Неси! – приказал я. – Просто хочу освежить в памяти кое-какое плетение. В теории, разумеется. Ты, кстати, упражняешься с жезлом?

Слуга кивнул и ушел в дом, а Микаэль смерил меня заинтересованным взглядом.

– Дать тебе урок фехтования?

Я покачал головой.

– Не сейчас. Приходи завтра в шесть вечера в Княжеский дворик. Представишься фехтмейстером, спросишь герра Нуаре.

– Приду-приду, – пообещал маэстро Салазар и приложился к початой бутылке вина. Затем вытер губы тыльной стороной ладони и спросил: – Что с твоим поручением?

– Позже поговорим, – ответил я, забрал у вернувшегося на задний двор слуги учебник и отправился восвояси.

Солнце еще висело над крышами домов, поэтому скучать в ожидании вечера на съемной квартире я не стал, зашел туда лишь для того, чтобы забрать из сундука подсумок, а после озаботился поисками пороховой башни. Пришлось изрядно побродить по узеньким улочкам Старого города, прежде чем вышел к пустырю на границе жилой застройки и торговых складов неподалеку от набережной Ливы. Там высилась трехэтажная башня, сложенная из темного, не слишком тщательно отесанного гранита. Дома горожан менее чем на сто шагов к ней не подходили, а вот ушлые купцы не удержались и при попустительстве городских властей оттяпали изрядный кусок зоны отчуждения.

Из-за этого охранный периметр оказался заметно продавлен с севера; служившие маяками колдовской сети валуны переместили поближе к башне, но при этом не потрудились вкопать их в землю, просто уложили на грунт. Надежности призванной гасить эфирные колебания защиты это никоим образом не снижало, и все же работа была проделана откровенно небрежная.

О самой башне я такого сказать не мог. Выстроена та была на редкость основательно и легко могла простоять безо всякого ремонта ещё не один век. Окон у порохового склада не было, единственный вход оказался узким и низким. Пусть в случае штурма защитники и не могли обстреливать нападавших, но и тем проникнуть внутрь было совсем непросто. А вот мне это никакой проблемы не составило. Патент сработал безотказно, и очень скоро в обмен на марку я стал обладателем полной меры пороха.

На обратном пути зашел в первую попавшуюся оружейную лавку и, к своему немалому удивлению, застал там полнейший аншлаг. Почтенные бюргеры приценивались к разнообразным орудиям смертоубийства, отчаянно торговались и даже время от времени что-то покупали. Наибольшим спросом пользовались кинжалы, тяжелые ножи едва ли не в полтора локтя длиной и чинкуэды с практически треугольными клинками.

С помощью прихваченной с собой пули я подобрал пару дюжин подходивших по размерам свинцовых шариков, расплатился и поспешил на квартиру. Уже смеркалось, а чужака на темных улочках Рёгенмара ожидали одни только неприятности и ничего, кроме них.

2

На следующий день у меня началась новая жизнь. С самого утра я плотно позавтракал и отправился за покупками. Прошелся по торговым рядам ближайшего рынка с непривычно тихими продавцами и смурными обывателями, выбрал саквояж из добротной кожи взамен утерянного, затем заглянул в книжную лавку. Там приобрел писчей бумаги, дорожную чернильницу и полдюжины перьев, да еще свечи, несколько кусков мела и прочую необходимую для чертежных работ мелочовку.

Затем я посетил университетскую библиотеку и вверх ее смотрителя в ступор, предъявив разрешение на доступ к закрытым фондам, выписанное на имя

некоего Рудольфа Нуаре. Впрочем, никаких запретных фолиантов я требовать не стал и для начала ограничился «Ритуалистикой» преподобного Рихарда Клианского, считавшегося одним из наиболее авторитетных теоретиков собственно ритуалистического направления магии.

Никаких откровений от сего монументального труда ждать не приходилось, зато я сполна восстановил свои разрозненные знания. Кое-какие лакуны удалось закрыть еще в Кларне, но только сейчас у меня в голове возникло окончательное понимание, в каком направлении следует двигаться дальше.

Читальный зал университетской библиотеки поразил немалыми размерами, он был непривычно просторным и светлым, со множеством столов. Простенки между окнами занимали книжные шкафы со справочной литературой, под высоким потолком висели многочисленные люстры. Увы, свечи в них зажигали только по наиболее торжественным случаям, а зимой холод в помещении должен был стоять такой, что у меня от одной мысли об этом заledenели пальцы.

В библиотеке я задержался до самых сумерек, что-то даже законспектировал, но в основном ограничился наметками для последующих исследований да составил перечень требуемых книг. А после по совету смотрителя посетил одну из близлежащих закусокных. Кормили там и в самом деле сытно и вкусно, но под конец ужина две подвыпившие компании школяров устроили столь бурную потасовку, что мне показалось разумным ретироваться через заднюю дверь.

На квартире я первым делом растопил камин, потом зажег пару свечей и принялся штудировать учебник Уве. Сказать по чести, с жезлом я управлялся далеко не лучшим образом, и тому было множество вполне объективных причин. Правше вообще чрезвычайно трудно выполнять сколь бы то ни было сложную работу левой рукой, да и во времена обучения в университете меня эта дисциплина нисколько не интересовала.

Я мог худо-бедно взаимодействовать с незримой стихией, но для перевода эфира в чистую энергию предназначались плетения куда сложнее тех, которые мне было по силам освоить; не стал даже тратить на их разучивание время. В бою не до искусной вязи, на это просто не остается времени, если только ты не ротный маг, прячущийся за спинами солдат. В первую очередь, меня интересовали те разделы учебника, которые позволяли управлять мощными эфирными потоками и при этом не требовали кропотливой подготовительной

работы. Под конец я даже начертил на полу круг святого Варфоломея, но приступить к практическим занятиям помешал стук в дверь. Явился маэстро Салазар.

Пришлось закрывать магическую схему медвежьей шкурой и спускаться во двор доходного дома. От фехтмейстера пахло вином, а с губ не сходила умиротворенная улыбка, но меня Микаэль загонял до седьмого пота. При этом подавляющее большинство схваток осталось за ним, а в остальных случаях дело решила удача. Будь маэстро трезв, я не сумел бы поразить его ни разу.

– Что нового... – спросил Микаэль под конец урока и после явственной паузы добавил: – Герр Нуаре?

– Просто Рудольф, – усмехнулся я, возвращая фехтмейстеру учебную шпагу. – Приходи завтра в это же время.

Маэстро Салазар поправил растрепавшуюся косицу и протянул руку. Ничего не оставалось, кроме как вложить в его ладонь фердинг.

– Серебро! – расплылся в улыбке Микаэль. – Пошли слухи, что вся серебряная монета подлежит сдаче в казну. Взамен будут выдаваться медные деньги.

– Вздор!

– Но люди верят. Напуганы даже те, кто серебра отродясь в руках не держал.

Маэстро Салазар слегка поклонился на прощание и отправился пропивать честно заработанный фердинг, а я поднялся в мансарду. Если кто-то вдруг умудрился подслушать разговор, то ничего предосудительного нами произнесено не было. Обычная болтовня между фехтмейстером и его не слишком талантливым учеником.

Так с тех пор и повелось. Первую половину дня я проводил в университетской библиотеке, затем упражнялся с магическим жезлом, а под вечер являлся маэстро Салазар, и после тренировки с ним мне едва доставало сил добраться до кровати. Еще я выкроил время на повторный визит к портному да забрал у

башмачника стачанные по моим меркам туфли. Кошель с серебром тощал пугающе быстро, утешало лишь обещание магистра-управляющего задним числом компенсировать арендную плату.

Уве отыскать корень мандрагоры не сумел, хотя из-под полы ему и предлагали приобрести весьма сомнительные средства, начиная от веревок, которыми удавили висельников, и заканчивая собранным в полнолуние на кладбище кукушкиным клевером. О некоторых проходимцах стоило поставить в известность Кирга, но сейчас мне встречаться с ним было не с руки.

Воссияние я начал с посещения церковной службы, а после, как и было оговорено, отправился в термы, намереваясь дать разглядеть себя во всей красе доверенным людям графини Меллен, если та вдруг воспылает интересом к моей скромной персоне. Ссадины к этому времени окончательно зажили, но на коже остались прекрасно различимые следы от пут.

После я прошелся по округе и с некоторым даже беспокойством отметил, что почтенные матроны передвигаются исключительно в сопровождении крепких отпрысков, за каретами с дворянскими гербами на дверцах неизменно следуют кавалькады вооруженных до зубов наемников, а портшезы сопровождают охранники с дубинками. В Старом городе заметно прибавилось тертых жизнью бретеров, а почтенные бюргеры сбивались в кучки и о чем-то увлеченно шушукались, но неизменно замолкали, стоило только приблизиться к ним посторонним.

Многие цеховые подмастерья в открытую носили лазурные, с вертикальной желтой полосой нарукавные повязки. На моих глазах парочка квартальных надзирателей попыталась задержать одного из таких юнцов, и тут же со всех сторон в стражей порядка полетели камни и мусор.

– Смерть за медь! – заблажил кто-то из горожан, и полицейским пришлось спешно ретироваться, оставив подмастерье в покое.

Квартальные надзиратели, к слову, перестали появляться на улицах поодиночке; чаще молодчики в зеленых мундирах ходили по трое или четверо, нередко их сопровождали солдаты городского гарнизона. Обыватели неизменно бурчали им вслед негромкие проклятия.

Вспомнились слова магистра Кирга о фирланских эмиссарах, и я решил, что подозрения Тайной полиции не так уж и далеки от истины. Четыре короны красовались на флаге западных соседей великого герцогства отнюдь неспроста: властители Фирлана никогда не забывали о землях, которые прежде находились под их рукой.

Вечером я, памятуя о любви графини Меллен к театральным постановкам, посетил историческую драму о ранних годах правления Максимилиана Первого и невзначай там даже немного вздремнул, а затем с чувством выполненного долга отправился в любимую таверну и плотно поужинал.

Старый город уже не казался мне чем-то монолитным; стоило немного обжиться в Рёгенмаре, и он рассыпался на отдельные районы и цеховые кварталы. В Университетском округе безраздельно властвовали школяры, а Черным городом именовалось сарцианское гетто. На севере вдоль берега Ливы тянулись купеческие склады. Приезжие торговцы старались держаться друг друга, вот и выходцы из Майнрихта селились на нескольких улочках, прозванных горожанами Бочкой. «Селедки в Бочке» – в чувстве юмора здешним острословам было не отказать.

Уже знакомая мне Ключатан, где располагалась Управа благочестия, шла напрямик к городской ратуше, тот район называли на фирланский манер – Редхус. А маркиз Альминц, к моему немалому удивлению, обитал вовсе не в облюбованном местными богатеями Стюгоре; его резиденция располагалась на Рыцарском холме, где в незапамятные времена возвели крепость, вокруг которой позднее и вырос город.

Я бы с превеликим удовольствием плюнул на конспирацию и нанес визит маркизу, дабы получить доступ к его библиотеке, но позволить себе этого попросту не мог. Было бы слишком опрометчиво ставить под угрозу совместную затею Вселенской комиссии, церкви и ордена Герхарда-чудотворца. Случайное разоблачение неминуемо вышло бы мне боком.

А время между тем тратилось совершенно бездарно. Если в упражнениях с магическим жезлом я еще мог похвастаться некоторыми успехами и даже освоил левитацию, то единственным результатом занятий с маэстро Салазаром стала ломота в руках, плечах и спине. Разработка же ритуала и вовсе не сдвинулась с мертвой точки. Я мог просчитать и выстроить стандартную схему, здесь же требовалось прыгнуть выше головы и сотворить нечто принципиально

отличное от того, о чем писали в общедоступных книгах.

Я намеревался выдернуть из заповедья некую сущность, а такого рода ритуалы находились под строжайшим запретом; сочинения на подобную тематику если и не сжигались сразу, то хранились за семью замками. Мне их было попросту не раздобыть.

Раз за разом я пытался составить нужную схему и неизменно терпел неудачу, лишь впустую переводил на расчеты стопку за стопкой писчей бумаги. Что хуже всего – ущербность моего колдовского таланта не имела к провалам никакого отношения. Просто не хватало некоторых специфических познаний. Некогда я совершенно осознанно выкинул их из головы и поклялся никогда более не вспоминать.

Но что жизни до наших клятв? Любая клятва – брошенные на ветер слова. Вопрос лишь в том, что иной раз нарушить ее куда сложнее, нежели дать.

3

Озарение посетило за обедом. Я быстро дохлебал наваристую мясную похлебку, допил светлое, легкое и безвкусное пиво, невероятно популярное у здешних школяров, и поспешил в библиотеку. С соседней площади доносился многоголосый гул, и я предпочел обойти сборище разгневанных бургеров, хоть окрестные улочки и были запружены горожанами. Возницы сыпали ругательствами, но пускать в ход хлысты не решались; люди были и без того озлоблены до предела, у многих имелись при себе крепкие палки и не только они.

Пришлось изрядно поработать локтями, проталкиваясь через толпу, да еще одну из улиц перегородили зеваки, с любопытством глазевшие на свару бакалейщика и покупателя. Причиной раздора стал обычный фердинг. Брат медную монету по завышенной официальной стоимости не хотел ни один из городских торговцев, бакалейщик исключением не был. Но и горожанин оказался не лыком шит, он ругался на весь квартал, призывая в свидетели набежавших на вопли бездельников.

К счастью, в Университетском округе подобного столпотворения уже не было; я спокойно дошел до библиотеки и получил на руки «Лабиринты бессознательного». С помощью этого наставления Уве в свое время сумел пробиться через гипнотические барьеры и частично восстановить память; должно было пригодиться оно и мне.

До поздних сумерек я шуршал страницами, пытаюсь разобраться в ментальных практиках погружения в глубины подсознания. Прежде никогда не возникало нужды столь тщательно работать с воспоминаниями, вот и пришлось изрядно повозиться, прежде чем удалось наметить дальнейший порядок действий.

На квартиру я вернулся уже затемно, и раздосадованный долгим ожиданием маэстро Салазар устроил мне серьезную трепку, чего прежде себе никогда не позволял. Ослиную задницу он и вовсе поминал буквально после каждого выпада. В конце концов, я обругал его последними словами, швырнул учебную шпагу под ноги и ушел в дом, даже не подумав выдать ежедневную плату.

- Осел! - крикнул вдогонку обозленный Микаэль.

Я молча поднял руку с выставленным средним пальцем, а у себя в мансарде умылся, разжег свечи и наскоро перечитал составленный по итогам изучения «Лабиринтов бессознательного» конспект. После уселся на кровати, поджал ноги и закрыл глаза. Рекомендовалось лечь, но в этом случае был немалый риск уснуть, а мне этого не хотелось.

Погрузиться в легкий транс удалось быстро; оно и немудрено - приводить сознание к равновесному состоянию приходилось всякий раз перед использованием истинного зрения. Только на этот раз я не стал обозревать раскинувшуюся вокруг незримую стихию, наоборот - постарался полностью отрешиться от окружающей действительности и провалиться в собственное бессознательное. Нырнуть на полдюжины лет назад, заново увидеть и услышать все, что прежде доводилось видеть и слышать о ритуале, коим хотел прославиться в веках Роберт Костель.

Мы с братом частенько обсуждали безумные идеи профессора, иногда даже просчитывали интенсивность отдельных энергетических потоков и узлов, но я был в этой области откровенным профаном, и в памяти отложилось не так уж много подробностей. Но то - в памяти. Сейчас же сознание неслось куда-то во

тьму, а вокруг витали обрывки воспоминаний. Фразы пронзали меня, видения ослепляли, эмоции захлестывали и рвали душу на части. Я летел напрямик в бездну подсознательного и едва ли контролировал свое падение. Просто впитывал крупицы и обрывки знаний, толком даже не понимая, какие из них придутся ко двору, а какие – бесполезный мусор.

Схему ритуала профессор Костель держал в тайне даже от своих учеников, из всех ныне живущих видел ее воплощение один лишь я. Осиный король перехватил меня на лестнице, но за его спиной я успел разглядеть безжизненные тела, сложное переплетение светящихся линий и каллиграфическую вязь колдовских символов...

Увидел я ту схему и теперь. А миг спустя сознание врезалось в нее и разметало в клочья, понеслось дальше, заставляя меня вспомнить то, что вспоминать не было никакого желания!

– Ты идиот! Безмозглый кретин! Куда ты лезешь?! Это не твое!

– Я докажу им! Докажу им всем! Желаете напиваться каждый день до потери памяти – напивайся! Боишься? Да на здоровье! Ты сделал свой выбор! А я добьюсь успеха, вот увидишь!

– Я никуда тебя не пущу! Это безумие!

– Иди проспись!

– Нет, стой! – Я покачнулся и ухватил брата за руку, уставился в его лицо, будто в отражение собственного. – Это все из-за нее, да? Она ведь на тебя даже не посмотрит, когда узнает, что...

Мощный удар в нос отшвырнул во тьму, разорвал транс. Я скорчился на полу, но сразу пересилил себя и поднялся. Во рту стоял солоновато-металлический привкус, сплюнутая под ноги слюна оказалась розовой.

Ангелы небесные! Пособие неспроста рекомендовало принять удобную позу перед погружением в транс – я не послушал и свалился с кровати, разбив о доски лицо.

Впрочем... оно того в любом случае стоило!

Умывшись, я зарисовал основные моменты схемы Роберта Костеля, а после стиснул ладонями виски. В голове беспрестанно гудели чужие голоса, бились изнутри о черепную коробку подслушанные разговоры, ядовитыми змеями вились сплетни о клубе Зеленого огня, скрежетали жерновами предположения о случившемся, кузнечными молотами стучали проклятия и обвинения. Мне было плохо.

Та роковая схема больше не казалась бессмысленным нагромождением сложнейших формул, штудирование учебных пособий помогло разбить ее на отдельные слои и блоки. Назначение большинства так и осталось загадкой, понимание пришло относительно всего замысла в целом. Профессор Костель намеревался не просто призвать Осиного короля, но вырвать сущность князя запределья в нашу реальность целиком и полностью, а затем отрезать его от источника потустороннего могущества, заблокировав ход в запределье. Нематериальная сущность оказалась бы заточена в эфирной темнице, для этого и понадобились истинные маги.

Энергетические узлы колдовских схем обычно укреплялись специальными символами, каплями крови и свечами, но князь запределья легко разрушил бы столь примитивные запоры. Профессор Костель приготовил ученикам роль живых скреп, для этого и понадобились истинные маги – лишь они могли в полной мере слиться с незримой стихией, черпая из нее столько эфира, сколько понадобилось бы для противодействия плененной сущности.

– Святые небеса! – выругался я, помассировал лицо и начал перерисовывать на отдельный лист один из слоев схемы – тот, что отвечал за обращение к запределью.

Такому в университетах не учили...

Следующие несколько дней я едва ли не безвылазно просидел в мансарде, занятый сложнейшими вычислениями, построением нужных схем и сплетением их в единое целое. А еще – подгонкой ритуала под текущую фазу луны, поиском слабых мест, отладкой энергетических потоков и составлением списка необходимых ингредиентов.

Все должно было сработать наилучшим образом, но полной уверенности в этом я не испытывал и потому раз за разом проверял плетения узлов и высчитывал мощность эфирных потоков.

Я боялся. Да, боялся и не стыдился признаться в этом самому себе. Профессор Костель не испытывал ни тени сомнений, и где сейчас он? Сдох и стал игрушкой пожравшего его душу Осинового короля. Я себе такой судьбы не хотел.

А еще от необдуманных поступков удерживал трактат «Размышления о нереальности нереального», до которого мне так и не удалось добраться.

Я не понимал мотивов Роберта Костеля. Знал – или был уверен, что знаю, – его цели, а вот мотивов, подтолкнувших его на кривую дорожку чернокнижия, не понимал. И это не просто наполняло душу беспокойством, это откровенно пугало. У меня не было права на ошибку. Второго шанса никто не даст.

И чем дольше я думал о еретическом сочинении Алфихара Нойля, тем больше склонялся к мнению, что действовать, не ознакомившись предварительно с этой книгой, неразумно и чрезвычайно опрометчиво. Не из сего ли злокозненного труда Роберт Костель почерпнул свои безумные идеи, не это ли сочинение разожгло в нем нечестивое желание обуздать одного из князей запределья? Что за знания скрываются под обложкой еретического фолианта?

Наверное, я занимался самообманом и просто боялся сделать тот шаг, после которого возврата назад больше не будет. Ну а кто бы на моем месте не испытывал подобных сомнений? На кону стояла даже не жизнь, но бессмертие души! Колебания подтачивают волю ритуалиста, а слабость в делах подобного рода недопустима. Слабость смерти подобна. Я же умирать не хотел.

Да еще приглашение от графини Меллен никак не приходило, и чем дальше, тем больше я ощущал себя запертым в клетке зверем. Быть может, ее сиятельство не заинтересуется Рудольфом Нуаре вовсе? И сколько мне еще играть эту роль?

Седмицу? Месяц? Два? Не подточит ли время решимость действовать? Не упущу ли нужный момент? Ангелы небесные! Да мне просто опостылела эта омерзительная неопределенность!

Хотелось действовать, вот только без должных связей нечего было и рассчитывать отыскать в незнакомом городе труд «Размышления о нереальности нереального». Им обладал маркиз Альминц, но не имелось никакой возможности пустить в ход рекомендательное письмо архиепископа, не раскрыв при этом своего инкогнито! Такая вот дилемма...

Впрочем, опасность случайного разоблачения была далеко не столь высока, как цена ошибки в разработанном мной ритуале, и я решился! Однажды утром собрался и покинул доходный дом через черный ход, чего себе давно уже не позволял. Пока шел до Рыцарского холма, беспрестанно высматривал возможную слежку, но нет – никто подозрительный на глаза не попадался. Точнее, подозрительных субъектов на улицах хватало с избытком, да только едва ли кому-то из них было хоть какое-то дело до спешившего по своим делам Рудольфа Нуаре.

Разве что на одном из оживленных перекрестков мой кошель заинтересовал не слишком ловкого карманника. Отделался от него коротким тычком под ребра. Прохожие и не поняли, с чего это вдруг согнулся и прислонился к стене дома растрепанный паренек. Даже его путавшийся у меня под ногами малолетний подельник сообразил, что пора улепетывать, лишь когда словил увесистого леща. Тогда драпанул так, что только пятки засверкали.

Рыцарский холм располагался на западе Старого города, неподалеку от ворот, через которые я прибыл в Рёгенмар. Каменистый пригорок был не слишком высоким, зато с отвесными склонами-обрывами, наверх вели два вырубленных в скале заезда. Вершина заросла деревьями и кустарником, с улицы резиденции маркиза видно не было.

Северная часть холма нависала над нешироким каналом с мутной темной водой, западную подпирали какие-то склады, а со стороны Старого города раскинулось пожарище.

Как видно, этот квартал выгорел дотла еще зимой, и теперь копошащиеся на пепелище рабочие разбирали завалы и ломали уцелевшие стены. Где-то уже расчистили землю для нового строительства, где-то продолжали засыпать старые подвалы. Подводы вывозили мусор и обломки закопченного кирпича.

Ближайшие к заезду на холм дома пострадали от огня не слишком сильно, но, судя по заколоченным дверям и пустым провалам окон, их обитатели от греха подальше перебрались на новое место. Я миновал закопченные строения и поднялся на небольшой пятачок, обнесенный высокой оградой. У ворот там дежурили два охранника в кирасах и шлемах, их оружейные пояса оттягивали безыскусные, зато весьма действенные в уличной рубке фальшионы. На меня громилы поглядели с нескрываемым подозрением и запустить на территорию отказались наотрез.

– Не велено! – коротко отрезал один из охранников. Другой сунул в рот свисток и выдал замысловатую трель.

Явившийся на условный сигнал слуга принял рекомендательное письмо и без всякой спешки отправился в обратный путь, а я так и остался на улице ожидать вердикта хозяина. Будто какой-то безродный бродяга, право слово... Меня даже передернуло.

Выстроен особняк маркиза был на противоположной стороне холма, из-за голых ветвей деревьев проглядывали лишь островерхая крыша и затейливые башенки. Я вдоволь налюбовался ими, прежде чем в сопровождении двух охранников явился наряженный в цветастую ливрею лакей.

– Его светлость готов принять вас, магистр, – официальным тоном объявил он и предложил следовать за ним. Хмурые парни пристроились сзади.

Я хоть и почувствовал себя на редкость неудобно, возмущаться заведенными маркизом порядками и не подумал. Пока шли к особняку, навстречу попало еще несколько караульных с арбалетами, а один из охранников прогуливался, удерживая на поводках двух здоровенных волкодавов. На небольшой полянке с конной статуей неизвестного мне сеньора возился приводивший в порядок кусты садовник, а у высокого крыльца стояли еще четыре бойца. Эти были с мушкетами и алебардами.

– Вам придется оставить кинжал, – сразу предупредил начальник караула.

Я не стал противиться и снял с оружейного ремня ножны. Охранники озадаченно посмотрели на колдовской жезл, но забирать его не стали. Как не опустились и до личного досмотра посетителя. Все же подобное обращение с гостем выходило за рамки установленных в обществе приличий.

Сложенный из темного плитняка особняк оказался трехэтажным, но при этом не слишком большим. Он будто тянулся к небу, и во многом это впечатление создавалось изящными башенками и узенькими окошками первого и второго этажей. В дверях лакей передал меня с рук на руки напыщенному дворецкому, охранники тоже в дом проходить не стали, взамен них возникла новая парочка мордovorотов, судя по выправке – бывших военных или наемников. Такие вещи сразу бросаются в глаза.

А вот дежурившие перед личными покоями маркиза сеньоры обладали несравненно более субтильным сложением; несомненные колдуны. Сначала я уловил неестественную упорядоченность их эфирных тел, потом заметил и магические жезлы.

– Магистр вон Черен! – объявил дворецкий и посторонился, позволяя пройти внутрь.

Дверь осталась открытой, как видно, находиться наедине с гостем маркиз не пожелал. Меня, впрочем, это нисколько не смутило. Удивила обстановка.

Хозяин особняка принял меня в охотничьем зале, стены которого были увешаны трофеями, и от вида некоторых из них воистину захватывало дух. Медведями, турами и лосями меня было не удивить, но под потолком рядом с люстрами висело чучело огромной зубастой ящерицы, именуемой учеными людьми крокодиллом, на простенке между окнами разместили голову легендарного северного тролля, а над камином и вовсе обнаружился череп единорога.

Редкость несусветная! Даже в здешних глухих лесах этих зверюг перебили еще во времена старой империи! Надо полагать, предки маркиза были не дураки поохотиться. Если это, конечно, были именно трофеи, а не покупные диковинки.

Сам хозяин особняка оказался болезненным, невысоким и худощавым, с копной рыжеватых волос и бледным, почти белым лицом, казавшимся треугольным из-за узкой челюсти. Смотрел на меня кузен великого герцога с надменным превосходством высокородного аристократа и даже не подумал подняться из кресла, лишь его пальцы нервно дрогнули и потербели серебряную пуговицу на обшлаге камзола. На стоявшем рядом столике лежала пухлая книга, там же валялось небрежно вскрытое письмо архиепископа.

– Ваша светлость... – слегка поклонился я, сбрасывая оцепенение.

– Вы чего-то хотите от меня, магистр? – тонким, но при этом сильным голосом осведомился маркиз Альминц. – Добрый друг упомянул о некоем одолжении, и в знак уважения к нему я готов вас выслушать.

«Только не тратьте мое драгоценное время попусту», – пусть вслух и не сказал, но точно подумал хозяин особняка, потому я поспешил перейти к делу.

– Библиотека вашей светлости славится далеко за пределами великого герцогства, я прибыл в Рёгенмар в надежде ознакомиться с одной из находящихся в ней книг...

Я не поскупился на лесть, но все мои усилия канули втуне. Маркиз Альминц явственно помрачнел и даже не стал спрашивать, поиск какого сочинения привел меня в Сваами.

– Магистр! – повысил он голос, вцепившись нервными пальцами в резные подлокотники кресла. – Для меня предоставить кому-либо доступ в свою библиотеку столь же невысказано, как вам обменяться исподним с первым встречным на улице! Хотя не уверен, что для людей вашего происхождения это такая уж большая проблема...

Слова хозяина особняка буквально сочились злой язвительностью, но я не выказал обиды и продолжил свои увещевания:

– Ваша светлость, я не прошу выдать книгу мне на руки, разрешите лишь...

– Нет! – резко выкрикнул кузен великого герцога. – Это невысказано! Уходите!

– Поверьте, я могу оказаться полезен вашей светлости...

Маркиз вскочил на ноги и закричал во всю глотку, срываясь на неприятный фальцет:

– Уведите его! Уберите его с глаз моих!

Я поклонился, развернулся и отправился навстречу уже шагнувшему в зал мордovorотам. Те оценили мой поступок и расступились, освобождая дорогу. Ни им, ни мне осложнения были не нужны, вот только взбешенный хозяин особняка и не подумал уgomониться.

– Гоните наглеца в шею! – кричал он. – Палками его! Палками!

Святые небеса! Ну что за осел!

Дело принимало дурной оборот, и я вытянул из-за пояса колдовской жезл. Размахивать им не стал, просто понес в опущенной к полу руке. Хватило и этого; телохранители маркиза до рукоприкладства опуститься не посмели. А вот колдуны оказались настроены куда как более решительно. Стоило лишь выйти в коридор, и они угрюмо двинулись вперед, беря меня в клещи.

Мордovorоты поспешили захлопнуть двери в зал и отбежали, а я крутанул жезлом, заставил эфир уплотниться и потянуться следом, а потом резким движением разорвал уже наметившийся энергетический поток. По незримой стихии разошлись резкие колыхания, болезненно заломило зубы.

Ритуалисты замерли, не решаясь ни пустить в ход силу, ни отступить.

– Уверен, сеньоры, вы совладаете со мной, – усмехнулся я, не двигаясь с места, – но имуществу его светлости при этом будет нанесен непоправимый ущерб. Мне бы хотелось этого избежать. А вам?

Колдуны переглянулись, и тот, что был постарше, отрывисто приказал:

– Уходите! Быстро!

Просить меня дважды не пришлось; я поспешил к выходу, молча забрал у начальника караула ножны с кинжалом и направился по уже знакомой тропинке к воротам. Мигом позже на крыльцо выскочили телохранители, один что-то резко сказал, и охранники с алебардами наперевес двинулись вслед за мной, будто бы заставляли спасаться от них бегством. Именно так должен был решить хозяин особняка, вздумай он выглянуть в этот момент из окна. Бойцы не спешили меня нагонять, я не провоцировал их на необдуманные поступки и шага по возможности не замедлял, хоть внутри все так и клокотало от бешенства.

Слабоумный выродок! Жертва многовековых инцестов! Тварь! Клянусь небесами, он еще об этом пожалеет!

Но нет, я вполне отдавал себе отчет, что не стану тягаться с родственником великого герцога, и всем будет только лучше, если этот сноб поскорее забудет о моем визите сюда. Вселенская комиссия не пользовалась в Сваами серьезным влиянием, да и в империи я едва ли рискнул бы связываться со столь высокородной особой.

Да и что мне те оскорбления? Пустые слова, прах на ветру! На деле из себя вывела невозможность попасть в библиотеку маркиза. Придется действовать через подпольных торговцев, а это чревато не только потерей времени, но и непредвиденными осложнениями. Ну да ничего! Поручу маэстро Салазару прошерстить черный рынок, в Рёгенмаре полно школяров и лекторов, а у этой публики тяга к запретным знаниям в крови.

Мелькнуло сожаление, что вообще приехал на север, но тут уж винить, кроме себя, было некого. Опять же в столице меня точно не ждало ничего хорошего, а здесь оставался шанс оказаться полезным епископу Виму.

Баста! Пора заканчивать фарс с никому не нужным инкогнито! Пришло время навестить братство святого Луки и выяснить, как продвигается расшифровка древних пергаментов.

К воротам я подошел в столь мрачном расположении духа, что караульные выпустили меня без единого слова. Нервно подрагивавший в руке гостя магический жезл отбил у них всякое желание проявлять неуместную инициативу.

Спустившись с холма, я заставил себя успокоиться, вернул ножны с кинжалом на оружейный ремень, после заткнул за него волшебную палочку. Чумазый садовник под скрип расшатанных колес скатил вниз свою тележку, остановился рядом и усмехнулся.

– Вашей милости еще повезло! В прошлом месяце на гостя собак спустили, так он его светлость раззадорил!

К этому времени я уже немного понимал жуткую мешанину языков, на которой общались городские низы, и полюбопытствовал:

– Подрали?

Садовник меня понял и заливисто рассмеялся.

– Такой сам кого хочешь подерет! Шпага шириной в ладонь, чистый меч! Молодчик не промах, одно слово – южанин!

Некое наитие заставило меня прислушаться к непрошеному собеседнику, и я потребовал:

– Опиши его!

– Чернявый, – неопределенно пожал тот плечами. – Говорю же – южанин!

В моих знакомцах имелся чернявый южанин с широкой шпагой, поэтому я выудил из кошелька сенти и кинул мелкую монету садовнику.

– Серьга была у него?

Воодушевленный подношением мужичок вытер нос грязной ладонью и надул щеки, силясь вспомнить подробности.

– Не скажу, ваша милость. Кольцо было. Огромная печатка – страсть сколько золота! А серьга... – Он вдруг хлопнул себя по лбу. – Была серьга, ваша милость! Точно была! Зелененький камушек в ней болтался, как сейчас помню!

Ангелы небесные! Старик описал Сильвио де ла Вегу!

Он в Рёгенмаре? Но зачем? И какие дела у него к маркизу Альминцу?

Это ведь не могло быть простым совпадением! Ах ты! Брат Стеффен, сгинуть ему в заповедье, интересовался, не выслеживаю ли я, случаем, де ла Вегу!

– Как отрекомендовался, помнишь? – спросил я у садовника, и тот разинул рот, смущенный незнакомым словом. – Представился как, говорю? Имя свое назвал?

– Чего не знаю, того не знаю, – замотал головой мужичок. – Но пропустили его со всем почтением, сам видел. Что-то он такое показал...

– Что именно показал, вызнать сможешь?

Садовник замялся, и я вручил ему фердинг.

– Узнаешь – с меня две... нет!.. даже три марки, – посулил я щедрое вознаграждение и веско добавил: – Серебром.

– Где искать вашу милость? – тут же оживился мужичок.

Мы столковались о следующей встрече, и садовник покати́л тележку с инструментом в одну сторону, а я прошелся по сгоревшему кварталу, бездумно поглядывая по сторонам. Голова буквально пухла от мыслей. Сильвио де ла Вега в Рёгенмаре! Каким ветром его сюда занесло?! Вот каким, а?

Глава 4

1

«Каким ветром его сюда занесло? Каким проклятым ветром?!» – все крутилось и крутилось у меня в голове, пока возвращался на квартиру. Там я завалился на

кровать и зажал лицо в ладонях.

Сильвио де ла Вега в Рёгенмаре. Вместе со мной. И оба мы разозлили маркиза Альминца. Едва ли это можно счесть простым совпадением. А если так, случайностью не была и наша предыдущая встреча. Неужели маэстро Салазар прав, и вся эта история началась еще в Риере?

Поножовщина и арест Микаэля, ловушка-дилижанс и чернокнижник, злосчастный племянник епископа Вима и древние пергаменты. Пергаменты... Не за ними ли охотился Сильвио? Но на кого он работает?

Я этого не знал. Я ничего уже не знал! Уверен был только в одном: таких совпадений не бывает. Мне бы выяснить, что именно привело Сильвио в Рёгенмар... Проклятие! Еще бы понять, каким ветром занесло сюда меня самого!

Епископ Вим должен был похлопотать о назначении в Ольс, а вовсе не в университетский городок на западе великого герцогства! Так почему меня направили именно сюда? Только лишь из-за желания неведомого клерка закрыть вакансию, или его преосвященство ведет какую-то свою игру? А если не он, то кто?

Я поднялся с кровати, отпер сундук и разложил на столе бумаги о переводе на должность магистра-надзирающего. Подписаны те были вице-канцлером Вселенской комиссии по этике Гербертом вон Бальгоном. Гепард! Снова Гепард! Он так вовремя появился в Мархофе да еще привез с собой сеньору Белладонну, а ведь именно она приложила руку к заточению Микаэля под стражу!

Голова пошла кругом окончательно, и, дабы хоть как-то развеяться, я дошел до рынка по соседству, занял уличный стол перед одной из таверн и без лишней спешки опустошил принесенный с ледника кувшин сидра. Холодный напиток с приятной кислинкой помог успокоить расшалившиеся нервы; я решил не пороть горячку, заказал еще сидра и жареную рыбу. Все равно спешить было уже некуда.

Да и что такого, собственно, произошло? Не ткнули же меня ножом в спину в самом-то деле! Невольно вспомнилась Марта, заломило поясницу. Настроения это отнюдь не улучшило.

Менять заведенный распорядок дня я в итоге не стал, дождался маэстро Салазара и под звон учебных клинков ввел его в курс дела. Микаэль особой обеспокоенности моим рассказом не выказал, лишь встопорщил усы и фыркнул:

- Дался тебе этот дворянчик...

- Не люблю сюрпризы!

Маэстро Салазар отступил на шаг назад и предложил:

- Давай лучше вломимся к маркизу и прошерстим его библиотеку. Это куда проще, чем отыскать человека в семидесятитысячном городе!

- Проще?! - прошипел я. - Резиденцию маркиза охраняют две дюжины человек, несколько волкодавов и пара ритуалистов!

Микаэль пожал плечами, подскочил и рубанул по голове. Я парировал, но широкий замах обернулся хитрым финтом. И глазом моргнуть не успел, как учебная шпага пребольно ткнула в правое бедро.

- Туше! - рассмеялся фехтмейстер и продекламировал: - Разит клинок подобно грому, сверкает молнией в руках. Мечты и помыслы чужие развеивает в прах!

Стихи были воистину ужасны, но заставили меня зашипеть от боли отнюдь не дурные рифмы. Как назло, удар пришелся по только-только зажившей ране, и я принялся разминать ногу, пытаюсь унять болезненные судороги.

Чтоб демоны пожрали душу этого выродка Ланзо! Пожрали, отрыгнули и пожрали снова!

- Займись поисками, Микаэль! - потребовал я. - Поговори с людьми, южан в городе много быть не должно!

- Ты смотришь на одного из них.

– Сильвио де ла Вега! Найди его. И не скупись, понял? Подонки с городского дна знают все и обо всех, расспросил их. Соври, что ищешь родича или кровника. Придумай что-нибудь, не мне тебя учить!

Маэстро Салазар отсалютовал шпагой, намереваясь продолжить поединок, но я уже вложил клинок в ножны и достал кошель.

– И поговори с садовником. Поначалу охранники отнеслись к Сильвио со всем почтением, надо узнать, что за бумаги он им предъявил.

Микаэль принял дюжину фердингов и не удержался от довольной улыбки.

– Поговорю-поговорю. Но выйдет ли толк?

Я отмахнулся и потребовал:

– Займись делом!

Маэстро Салазар сделал мне ручкой, закинул на плечо учебный клинок и танцующей походкой отправился к выходу со двора. Удивительное дело, но несмотря на ежедневные возлияния, формы он нисколько не растерял и за время урока даже не запыхался. А вот я по скрипучей лестнице в мансарду едва поднялся. Учебный поединок выпил из меня все силы; легкие горели огнем, руки дрожали от усталости, колени подгибались.

Задвинув засов, я через голову стянул мокрую от пота сорочку, которую давно следовало отнести в прачечную, благо теперь имелась сменная одежда, и умылся. А только взял полотенце, и тут же, будто назло, раздался стук в дверь.

– Кто там? – повысил я голос, не спеша отодвигать засов.

– Послание для герра Нуаре! – слышалось в ответ.

– Один момент!

Я прямо на голое тело надел камзол и отпер дверь, скрыв за ней левую руку с вытянутым из ножен кинжалом, но это и в самом деле оказался посыльный.

Высокий молодой человек в ливрее красно-белых цветов с золотой вышивкой и серебряным позументом, узких бриджах, начищенных туфлях и замшевых перчатках держал в руках конверт, запечатанный сургучом. Лицо лакея было припудрено, шляпу заменял парик с завитыми локонами. Лучшей мишени для травли уличным мальчишкам было не сыскать, но в сгибе локтя франт удерживал крепкую трость с медным набалдашником; да и сам он, несмотря на нелепый наряд, не выглядел жеманным.

- Герр Нуаре? - уточнил посыльный.

- Дай сюда! - потребовал я, не став представляться.

Лакей с кислой миной вручил послание и, не сказав больше ни слова, начал спускаться по лестнице.

Я вновь запер дверь, сломал сургучную печать и развернул лист дорогой бумаги, от которой доносился едва уловимый аромат цветочных духов.

Каллиграфическим почерком графиня Меллен приглашала герра Нуаре посетить устраиваемый завтра бал-маскарад. Выбор костюма и маски оставался на усмотрение гостя.

Честно говоря, я уже начал сомневаться, что ее сиятельство снизойдет до моей скромной персоны, но приор оказался прав. Распущенные его людьми слухи все же сделали свое дело.

Являться на прием в повседневном платье было верхом неприличия, это едва ли расположило бы ко мне хозяйку вечера, поэтому первым делом я посетил портного. Тот поохал, поохал, но все же пообещал кровь из носу закончить работу завтра в первой половине дня.

После я прошелся по торговым улочкам и в одной из лавок купил простенькую полумаску, закрывавшую нос и верхнюю часть лица. Гладкое папье-маше было раскрашено лазурными и золотыми ромбами; именно цвета городского флага и заставили меня остановить свой выбор на этой поделке. В такой точно выделяться не буду.

Расплатившись, я с разрешения хозяина выскользнул на улицу через черный ход и поспешил в ресторацию, на верхнем этаже которой встречался с викарием и приором. К этому времени магистр-управляющий отужинать и отбыть домой еще не успел, на заднем дворе харчевни обнаружилась знакомая карета. Я перекинулся парой слов с кучером и забрался внутрь, решив не мелькать лишней раз в обществе главы местного отделения Вселенской комиссии. Мало ли кому попадусь на глаза?

Магистр-управляющий появился через четверть часа. Тяжело отдуваясь, он забрался в карету, выслушал меня и достал лакированную деревянную коробочку. Внутри на бархатной подложке лежала серебряная заколка для шейного платка с крупной янтарной вставкой.

В красновато-желтом камне едва заметно колыхался эфир, но, в отличие от бусин моих четок, эти движения подчинялись некоему сложному ритму и выходили за пределы поделочного камня. Они словно пронзали незримую стихию и уносились в неведомую даль.

– Наденьте и не снимайте на приеме, – потребовал Джервас Кирг.

Я принял коробочку, но до заколки дотрагиваться не стал. Внимательно ее изучил и спросил:

– Зачем?

– Вложенное в янтарь заклинание предупредит владельца о любых попытках одурманить его, не важно, зельем или чарами. И если... как бы сказать... ваше сердце перестанет биться, мы об этом тотчас узнаем. Появится повод нанести ее светлости визит. Полагаю, вам бы хотелось этого, ведь так?

– Не могу сказать, что меня это сильно утешит, – досадливо поморщился я.

– Мы просто перестраховываемся, магистр.

Я вздохнул и нацепил заколку на шейный платок. Как ни крути, столь полезная вещица могла пригодиться не только на завтрашнем приеме, но и в повседневной жизни. Терпеть не могу, когда кто-то пытается забраться мне в

голову. Ненавижу просто...

2

Для поездки на бал я арендовал экипаж, благо воодушевленный новостями магистр Кирг выделил на эти цели не столь уж и маленькую сумму. На траты пришлось пойти отнюдь не только из нежелания ударить в грязь лицом: едва ли прием завершится раньше полуночи, а возвращаться на квартиру по темным улочкам было совсем не безопасно. Пусть, в отличие от Нистадда, на этом берегу реки за порядком присматривала ночная смена Управы благочестия, но по незнанию ничего не стоило забрести в один из цеховых кварталов, где чужакам не рады.

Облачившись в новую одежду и начищенные туфли, я расправил кружевные манжеты сорочки и подпоясался оружейным ремнем. Кинжал выступал сейчас не инструментом смертоубийства, а мерилем социального статуса; абы кому носить на боку кусок заточенной стали не позволено. На случай серьезных неприятностей я прихватил с собой магический жезл, с которым управлялся чем дальше, тем лучше.

День клонился к закату, улицы понемногу пустели, и до моста через приток Ливы карета докатила быстро и почти без задержек, разве что на нескольких перекрестках приходилось дожидаться, пока расползется затор. А вот попасть в Стюгор оказалось совсем не просто. К моему немалому удивлению, съезд с моста перекрывал пикет выписанных из империи ландскнехтов, на красно-желтых одеждах которых щерились оскаленные волчьи головы. Прежде видеть подобную символику не доводилось; то ли это была какая-то не слишком известная рота, то ли и вовсе отряд дезертиров.

Как бы то ни было, кирасами и шлемами наемники не пренебрегали, с алебардами и самострелами обращались умело, а на некотором удалении от моста и вовсе замер небольшой фальконет. Вокруг полевого орудия рассредоточилась полудюжина мушкетеров. Как видно, на охрану местные обитатели не скупилась.

Ландскнехты всегда отличались отменным нюхом на неприятности; наемники выглядели настороженными и собранными, не было слышно ни сальных шуточек, ни смеха. Приглашение на прием капрал изучил со всем тщанием,

затем не поленился заглянуть в карету и лишь после этого разрешил проезжать.

Я заметил стоявшие в кустах телеги с бочками; как видно, в случае штурма ими собирались перегородить дорогу, да и прочные борты вполне могли послужить надежным укрытием для стрелков. Но напряжение ощущалось лишь на въезде в район богачей, сам Стюгор был спокоен и безмятежен. Где-то особняки прятались за высокими каменными заборами и ажурными решетками ворот, где-то хозяева ограничивались живыми изгородями. Блистали в лучах заходящего солнца начищенные медные таблички и флюгеры, сияли ярко освещенные окна, иной раз в них удавалось заметить людей и пылающие десятками свечей люстры.

Резиденция графини Меллен была выстроена на берегу Ливы, перед трехэтажным особняком теснились экипажи прибывающих на прием гостей. Само здание с подпирающими карнизы и балконы пилястрами в виде мускулистых великанов, широкими окнами и открытыми террасами представляло собой прекрасный образчик южноимперского архитектурного стиля. С учетом местного сурового климата оно смотрелось несколько даже вызывающе.

Стоило только мне выбраться из кареты у крыльца, по обеим сторонам которого возлежали мраморные львы, и наряженный мимом слуга тут же поманил за собой кучера, дабы тот отогнал экипаж на выделенное ему место. Привратник в закрывавшей лицо маске красно-белой расцветки без лишних слов протянул руку за приглашением. Его гротескная фигура казалась странно перекошенной; под ливрею что-то затолкали, сделав одно плечо выше другого и добавив изрядных размеров горб. Левую сторону ливреи выкрасили красным, правую оставили белой, с бриджами же поступили ровно наоборот.

Подобным образом имели обыкновение наряжаться лишь ландскнехты да цирковые паяцы, и у графини было воистину странное чувство юмора, если она поручила встречать гостей столь несуразному типу. Неужто ее сиятельство так любит гротеск?

Пристально глянув на меня сверху вниз, привратник едва заметно поклонился и передал приглашение церемониймейстеру. Тот набрал воздуха в легкие, и только я переступил через порог, громогласно объявил:

– Герр Нуаре!

Никто даже не повернулся в мою сторону, лишь рядом незамедлительно оказался слуга с заставленным бокалами подносом. Игристое вино я терпеть не мог, но, дабы не выделяться, от угощения отказываться не стал и прошелся по залу, разглядывая убранство помещения и собравшуюся на прием публику.

С потолка каскадами сверкающего хрусталя свисали огромные люстры, их бесчисленные свечи заливали зал ярким светом, отражавшимся от множества украшавших стены зеркал. Посреди зала разместился струнный квартет. Слуги безмолвными тенями сновали меж гостей, их лица были полностью закрыты черно-белыми масками, а мягкие туфли бесшумно ступали по голубому мрамору.

В отличие от прислуги, приглашенная публика ограничилась полумасками, и я на общем фоне нисколько не выделялся. Впрочем, иначе и быть не могло: ни один бал не обходится без возлияний, так не открывать же лицо всякий раз ради глотка вина!

Все так же баюкая в руке бокал, я пересек зал и поднялся по широкой лестнице на второй этаж. Двери во внутренние помещения стояли открытыми, за ними присматривал вышагивавший по коридору слуга, и мне ничего не оставалось, кроме как пройти на балкон, откуда мог наблюдать за гостями со стороны.

Нет! Я вполне способен при необходимости поддержать светскую беседу, да и рекомендованный магистром портной не подвел, и новое платье смотрелось ничуть не хуже нарядов большинства собравшихся; пусть, возможно, и чуть строже, нежели того требовали последние веянья моды. Если уж на то пошло, мне никогда не нравилась суতোлка, к тому же вид со второго этажа открывался воистину превосходный, а любые следственные действия следовало начинать именно с рекогносцировки на местности. И первым делом хотелось присмотреться к хозяйке вечера.

Графиня Меллен оказалась чудо как хороша. Пусть усыпанная жемчугом полумаска и позволяла разглядеть лишь изящную линию подбородка и полные губы, я готов был биться об заклад, что она привлекает мужчин отнюдь не только своим богатством. Темные густые волосы были уложены в сложную прическу, лебединую шею охватила узкая бархатная лента с крупным изумрудом, зеленые самоцветы помаргивали и в ожерелье, да только куда

больше драгоценностей взгляд привлекало глубокое декольте. Корсет не только утягивал талию, стройности которой могли позавидовать иные девицы, но и соблазнительно приподнимал грудь. Вечерний наряд оставлял руки открытыми до плеч.

Что интересно – служанка всюду носила за хозяйкой крупную черную кошку. Простецы издревле полагали подобных животных питомцами ведьм, но никого из гостей это не смущало. Полагаю, к эпатажным выходкам графини собравшимся было не привыкать.

Ее сиятельство пребывала в приподнятом настроении и весело болтала с гостями, сеньоров среди которых было определенным образом больше, нежели представительниц слабого пола. О некоем Рудольфе Нуаре графиня и не думала вспоминать, и я всерьез усомнился, что сумею привлечь внимание хозяйки. Не расталкивать же для этого пускающих слюни воздыхателей?

– Его светлость маркиз Альминц! – объявил вдруг церемониймейстер, и я даже вздрогнул от неожиданности.

Впрочем, пустое. Чванливому аристократу меня никак не узнать; инкогнито надежно хранила полумаска. Так что я не стал суетиться, смочил губы игристым вином и смерил вошедшего в зал маркиза оценивающим и – чего уж там греха таить! – недобрый взглядом.

Впрочем, косыми взглядами все и ограничится. Пусть наша прошлая встреча и оставила после себя не самые приятные впечатления, я просто не мог позволить себе сводить счеты. Дело прежде всего. Да и вдруг все же отыщется подход к маркизу?

Полумаска его светлости была выполнена в виде солнца, что в империи обернулось бы неминуемым скандалом; на севере, как видно, нравы были проще. Графиня оставила поклонников и поприветствовала нового гостя, но долго разговор не продлился, и они разошлись в разные стороны. Маркиз в одиночестве не остался, его тут же окружила небольшая свита, а хозяйка вечера объявила танцы. Музыкантов в зале прибавилось, и кавалеры стали приглашать дам, но это занятие привлекло далеко не всех. Кто-то начал разгадывать шарады, кто-то поднялся на второй этаж и затеял игру в карты.

Слуга из коридора никуда не ушел, и я не рискнул проскользнуть во внутренние помещения особняка, вместо этого с невозмутимым видом проследовал на террасу, с которой открывался вид на реку и сад. На улице с наступлением темноты заметно посвежело, но погода последние дни стояла солнечная, и заморозков давно уже не было даже по ночам. В камзоле мне холодно не было.

Среди кустов и деревьев горели многочисленные фонари, тут и там их свет вырывал из темноты мраморные статуи. Обнаженные девы соседствовали с хтоническими тварями, а вот мускулистые силачи все, как один, подпирали балконы и широкие карнизы.

Я поставил почти нетронутый бокал на гладкие каменные перила, закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов, очищая сознание и погружаясь в транс. Никто в здравом уме не станет потрошить людей без веской на то причины, а если дело в ритуальных убийствах, то всегда есть шанс уловить отголоски сотрясшей незримую стихию дрожи и остаточные колебания эфира. Раз или два их еще можно замаскировать, а вот многократные выбросы силы буквально въедаются в пространство. И совсем уж сложно избавиться от эманаций зла, которые неизменно остаются после каждого обращения к запределью.

Задержав дыхание, я скользнул сознанием в незримую стихию, и реальность тотчас расцвела яркими красками и огнями, слов для описания которых не было ни в одном языке мира. Сияние окутало со всех сторон, и на миг я замер, ослепленный и оглушенный, а потом вырвался из транса, махом влил в себя бокал игристого вина и навалился на резные перила террасы, сиюсь перебороть дурноту.

Кто-то осторожно прикоснулся к плечу. Я обернулся, увидел перед собой слугу в черно-белой маске и вяло махнул рукой.

– Со мной все в порядке, любезный. Просто нет привычки к игристым винам.

Человек графини протянул руку к бокалу, дождался моего кивка и унес его в дом. А я остался на улице и помассировал ладонями покрасневшее лицо. Несмотря на вечернюю прохладу, меня бросило в жар.

Нет, я не заметил ничего подозрительного и не уловил эманаций запределья, просто и особняк и сад оказались заполнены несметным количеством

простеньких заклинаний. Сигнальные чары соседствовали с погашенными магическими иллюзиями, обрывки начатых и брошенных плетений реяли над землей, соприкасались с невесть зачем протянутыми силовыми нитями, вспыхивали неземным светом, гасли и вспыхивали вновь. С особняком дела обстояли ничуть не лучше: мне пришлось бы провести полноценный ритуал, чтобы только пробиться через отблески всей этой магической мишуры.

И при этом я весьма и весьма сомневался, что подобный хаос устроен исключительно из желания скрыть следы преступлений. Некоторые магические плетения выглядели очень старыми, они почти исчерпали заложенный при создании запас силы и могли развеяться в любой миг. Скорее уж, это были плоды упражнений графини Меллен в тайных искусствах. Магистр Кирг упоминал о прохождении ею соответствующего обучения в университете.

Судя по увиденному мной, хозяйка особняка была особой увлекающейся и одновременно весьма ветреной. Ей определенно стоило бы нанять кого-нибудь прибрать весь этот бардак. Если конечно же во всем этом нет тайного умысла...

Некоторое время я обдумывал эту мысль, потом шмыгнул носом, прикоснулся пальцем к верхней губе и досадливо выругался, заметив алое пятнышко. Пришлось спуститься по боковой лестнице в сад, зачерпнуть из фонтана воды и оттереть усы от крови.

Струи фонтана не били, его еще не привели в порядок после зимы, и на дне лежала опавшая листва. В центре мраморной чаши возвышалась искусно выполненная скульптурная группа: взявшись за руки, обнаженные танцовщицы кружили вокруг человека-зверя с мужским достоинством таких размеров, что место ему было, скорее, в борделе, нежели в саду почтенного графского семейства. Все же ее светлость – весьма своеобразная сеньора...

Неожиданно из темноты донесся лязг стали, и непроизвольно я положил ладонь на рукоять кинжала, а левой нашарил магический жезл. Но никто и не подумал атаковать меня, клинки звенели где-то в отдалении. Движимый любопытством, я прокрался по тропинке и обнаружил, что на окруженной живой изгородью поляне в свете одинокого фонаря бьются на шпагах два сеньора в одинаковых масках карточных шутов.

Дуэлянтам я мешать не стал и потихоньку отступил в темноту. В голове мелькнула мысль, что все эти выловленные из воды тела могли принадлежать не слишком искусным фехтовальщикам, но нет – эта версия не выдерживала никакой критики.

Обогнув фонтан, я направился к лестнице, сразу заметил меж двух полуколонн террасы приоткрытую дверь и замедлил шаг. Возможно, это был вход в подсобные помещения, где хранился садовый инвентарь, и все же я, памятуя о наставлениях магистра Кирга, такой шанс упускать не стал. Светильники в коридоре не горели, лишь откуда-то из-за угла вырывалось неровное свечение то ли факела, то ли масляной лампы, и совсем темно в помещении не было. Я переступил через порог и двинулся вперед, даже не пытаясь красться.

Попадавшиеся по пути двери были все, как одна, закрыты; я не пробовал взломать их, просто проходил мимо. За поворотом стало светлее и начали доноситься отголоски музыки, там же обнаружилась лестница на второй этаж. Я без колебаний поднялся по ней и замер, гадая, куда именно меня угораздило забрести. Стены были увешаны потемневшими от времени портретами, деревянные панели украшала сложная резьба, пол покрывал затейливый паркет.

И тут, как назло, распахнулась дверь! Ангелы небесные! Ну что за невезение!

В коридор выпорхнула молоденькая девица в алом платье, чей лиф не скрывал маленькой аккуратной груди, а лишь приподнимал ее. Волнистые рыжие волосы бесстыдницы рассыпались по плечам, белоснежную кожу усеивали веснушки, а смотревшие через прорези белой, с красным орнаментом маски глаза казались затуманенными и подернутыми поволокой.

Я отвлекся на это зрелище и не сразу заметил тонкие иглы клыков. Обратил на них внимание, лишь когда незнакомка растянула в улыбке тонкие губы.

– Красавчик пришел поиграть? – слегка шепелявя, спросила девица, подступая вплотную. – Я люблю играть...

От бесстыдницы пахло ароматом благовоний и вином, на ее шее подрагивала нежная жилка. Мало кто на моем месте отказался бы поиграть с такой, вот только клыки...

– Видите ли... – начал я, но красотка и слушать ничего не стала, изящно протянула ко мне руку с длинными алыми ногтями.

– Фрея, ты где?! – послышался хриплый голос, и вслед за девушкой в коридор вышел худощавый сеньор, в отличие от спутницы, одетый вполне прилично и даже со вкусом. Правда, исключительно во все черное. Черными были и маска, и даже шейный платок.

Заметив постороннего, незнакомец на миг опешил от изумления, но тут же развернул Фрею и прижал ее к себе, скрыв девичьи прелести от моего нескромного взгляда. Свободной рукой молодой человек достал изо рта накладные клыки и потребовал объяснений:

– Что вы здесь делаете?!

Я улыбнулся давно отрепетированной пьяной улыбкой и неопределенно пожал плечами.

– Сеньор! Я вышел в сад... Не подумайте ничего плохого, просто освежиться. А потом решил пройти в зал напрямик, но, к своему стыду, заблудился...

Незнакомец пристально уставился на меня, словно желал просверлить взглядом насквозь, и явственно поколебался, затем с недовольным видом процедил:

– Следуйте за мной!

Вытянувшую изо рта клыки девчонку он без лишних церемоний затолкнул в комнату и спешно прикрыл за ней дверь.

– Вольф! – послышался возмущенный крик, но сеньор в черном даже не оглянулся и повел меня по коридору, уверенно сворачивая в нужных местах. Вскоре он отдернул портьеру, открыв выход на галерею второго этажа, и с нескрываемым раздражением выдал:

– Прошу!

Стоявший тут же слуга в черно-белой маске встревоженно оглянулся, но узнал моего спутника и шума поднимать не стал, лишь отступил в сторону, позволяя пройти.

– Благодарю, – улыбнулся я напоследок и направился к лестнице, а затылок так и продолжал буравить взгляд едва сдерживавшего ярость ревнивца.

Будто моя вина в том, что бесстыжая девица выставила на всеобщее обозрение свою грудь. Если начистоту, не так уж она была и хороша...

3

Пока я отсутствовал, в зале все шло своим чередом. Дамы и кавалеры продолжали танцевать, но большая часть публики распалась на отдельные компании, меж которых беспрестанно фланировали разносившие игристое вино слуги. Я и сам залпом осушил бокал, сразу взял второй и отошел к стене, не желая путаться ни у кого под ногами.

Помимо танцев, гостей графини развлекали жонглеры, фокусник и шут, а в другом конце зала приглашенный поэт декламировал воистину нескончаемую поэму. Насколько удалось понять из обрывков разговоров, помимо всего прочего, сегодня перед гостями выступит одна из лучших театральных трупп города, а после полуночи самые стойкие смогут полюбоваться некими экзотическими танцовщицами.

Требовалось во что бы то ни стало привлечь внимание графини, но прорваться через сновавших вокруг нее кавалеров попросту не представлялось возможным. Стоило закончиться одному танцу, и ее сиятельство тут же приглашали на следующий. Словами не передать, как это раздражало.

Вырядившаяся вампирами парочка на глаза не попадалась; судя по всему, это были личные гости хозяйки. Вероятно, близкий круг устраивал закрытое костюмированное сборище, и гротескный наряд привратника намекал именно на ее мистическую тематику. Красно-белый уродец, к слову, больше не стоял в дверях и свободно разгуливал по залу; в перерывах между танцами он даже иной раз успевал о чем-то переговорить с графиней.

Потеряв всякую надежду свести знакомство с хозяйкой, я прибил к компании маркиза Альминца; на глаза его светлости старался не лезть, стоял немного в отдалении и краем уха прислушивался к разговорам. Почтенные сеньоры толковали все больше об алхимии; мои познания в этой области оставляли желать лучшего, а вот маркиз казался искренне увлечен обсуждением метафизической сущности эфира и трансмутирующих свойств ртути. Стоило бы поискать подходы к нему с этой стороны...

Неожиданно кто-то откашлялся за спиной, и я едва не подпрыгнул на месте. Развернулся – передо мной стоял привратник.

– Герр Нуаре? – по-птичьему склонил он голову набок, разглядывая меня.

То ли от пристального взгляда черных глаз, то ли из-за ожидания неминуемых неприятностей по спине побежали мурашки, но я лишь беспечно кивнул:

– Он самый, милейший.

– Следуйте за мной, – объявил наряженный горбатым уродцем слуга, развернулся и зашагал прочь.

Внутри все так и обмерло. Неужто боком вышла попытка побродить по особняку? И что же теперь – меня просто возьмут и с позором выставят на улицу? Едва ли магистр Кирг придет в восторг от подобного развития событий! Да и самому мне несколько не хотелось начинать службу с эдакого фиаско. Стыд и позор!

Но нет, обошлось. Привратник отвел меня к окруженной кавалерами графине Меллен, и та всплеснула руками:

– Рудольф, вот вы где! Вы ведь позволите называть вас Рудольфом?

Я прикоснулся губами к самым кончикам пальцев графини и улыбнулся.

– Как будет угодно вашему сиятельству.

– Так где вы прятались от меня все это время, Рудольф? Я вас не видела!

– Человеку в маске легко затеряться в толпе подобных ему.

Хозяйка вечера рассмеялась и решительно заявила:

– Я танцую с каждым своим новым гостем. Это традиция!

– Традиции священны и неприкосновенны, – склонил я голову, поставил пустой бокал на поднос тотчас очутившегося рядом слуги и протянул руку графине.

Последние годы мне выпадало танцевать не слишком часто, но ударить в грязь лицом я несколько не опасался. Не зря же нас с братом учили хорошим манерам с самых ранних лет! Внимания бальным танцам наставники уделяли лишь немногим меньше, чем верховой езде, грамматике и фехтованию.

Несмотря на отсутствие практики, намертво вбитые танцмейстерами движения вспомнились сами собой, и повел я графиню вполне уверенно, благо та двигалась легко и свободно.

– Рудольф, – обратилась ко мне хозяйка вечера, от которой едва уловимо пахло розовым маслом, – вы позволите нескромный вопрос?

– У меня нет секретов от вашего сиятельства, – улыбнулся я.

– Наедине можете обращаться ко мне по имени, – милостиво разрешила графиня. – Для вас я Марит. Хорошо?

Я слегка склонил голову в знак согласия и едва не сбился с шага, несколько смущенный столь явно выказываемым расположением к совершенно постороннему человеку.

– Это очень нескромный вопрос, – кокетливо улыбнулась графиня, и на ее щеках появились милые ямочки. – И очень-очень личный, – с придыханием повторила она.

– Вы вгоняете меня в краску, Марит, – нашелся я. – Теперь вы просто обязаны задать его, иначе я зачухну от любопытства!

Хозяйка вечера благосклонно рассмеялась и прищурилась.

– Рудольф, правду ли говорят, что вы получаете удовольствие, когда вас связывают?

Невольно вспомнилось, как затягивал на шее веревку брат Кас, и я едва удержался от болезненной гримасы, но сразу совладал с собой и пошутил:

– Все зависит от того, кто связывает и с какой целью. Поверьте, это очень важно. Но, к слову, не меньшее удовольствие я получаю, связывая... кого-нибудь.

Графиня Меллен даже приоткрыла рот от любопытства.

– Действительно ли ощущения при близости в момент удушения столь ярки, что не могут сравниться ни с чем иным? – спросила она и слегка покраснела. – Не сочтите меня вульгарной и распутной, просто Вседержитель создал нас такими, как мы есть. Я всецело поддерживаю стремление к духовному развитию, но умерщвление плоти не для меня. Плоть дарит нам столько... радости, столько приятных ощущений, а жизнь человеческая слишком коротка, чтобы отказывать себя в удовольствиях...

Вблизи графиня уже не казалась юной, пусть ее кожа и не потеряла былой упругости и свежести, но в уголках рта залегли легкие морщинки. Полагаю, ей было немногим меньше сорока лет. В этом возрасте простолюдинки не могли похвастаться ни такой статностью, ни красотой; богатство способно продлить молодость, и все же не всеильно и оно. Именно поэтому я не стал лукавить и рассыпаться в льстивых комплиментах; этого бы мне не простили.

Вместо этого я поступил так, как и планировал изначально. Пустил пыль в глаза.

– Меня больше влечет стезя духовного самопознания, в плотских утехах я, скорее... любитель. И уж точно не возьмусь осуждать вас, Марит. Ханжество не мой конек. Что же касается вопроса, то да – ощущения и в самом деле ни с чем не сравнимы. Но очень легко перейти грань, из-за которой уже не получится вернуться, если вы понимаете, о чем я. Нужен опытный... партнер.

– Такой, как вы?

Я только улыбнулся.

Музыка смолкла, и мы остановились, но графиня не отступила, а потянулась поправить мой шейный платок. Тонкие пальцы скользнули по коже и, вне всякого сомнения, уловили шероховатость старой ссадины, но сказала Марит о другом.

– Интересный камень, – заинтересовалась она янтарной заколкой и даже погладила ее, любуясь.

– Подарок, – пояснил я, не став вдаваться в подробности.

Графиня отступила, и рядом немедленно оказался привратник с двумя бокалами на подносе, но она лишь прикоснулась к одному из них и отчитала гротескного уродца:

– Слишком теплое! – а после обернулась ко мне. – Рудольф, угостите меня вином!

Кавалеры сообразили, что сегодня взошла чужая звезда, и начали расходиться, бросая на меня предельно красноречивые и многообещающие взгляды. Уверен, многие из поклонников хозяйки с превеликим удовольствием прогуляются с выскочкой в парк, если только им представится такая возможность. Но я поводов для дуэли никому давать не собирался, как не собирался и отходить от графини даже на несколько шагов.

Ухватив с подноса проходившего мимо слуги пару бокалов, я тут же вручил один из них хозяйке, и та прекратила выговаривать что-то привратнику, пригубила вино и благосклонно улыбнулась.

– Совсем другое дело! – Марит повернулась к служанке с черной кошкой и забрала у той защелкнутый на ошейнике любимицы поводок, а саму девушку в черно-белой маске отпустила.

Поставленная на пол кошка потянулась, но упрямиться не стала и последовала за хозяйкой. Графиня повела меня по залу и будто между делом спросила:

– И как вам вечер, Рудольф?

И вновь я не стал опускаться до лести.

– Весьма мило, но я ожидал большего. В городе о ваших приемах ходят настоящие легенды!

Графиня в ответ на это заявление лишь заливисто рассмеялась.

– Не торопите события! – укорила она меня и направилась к лестнице. – Все самое интересное начнется после полуночи. Ну а пока мы можем улизнуть от гостей и заняться чем-то по настоящему увлекательным...

Произнесена последняя фраза была столь многозначительным тоном, что у меня невольно участилось сердцебиение.

Я последовал за Марит, а в голове в такт пульсу все билась, билась и билась шальная мысль: «Просто! Просто! Просто! Слишком просто!»

Но надо было отдать должное проницательности приора герхардианцев и связям его людей; те столь искусно изготовили и подбросили наживку, что графиня не смогла устоять. Как видно, она и в самом деле была чрезвычайно увлекающейся особой.

О соблюдении внешних приличий хозяйка вечера между тем не забывала. Для начала мы прошли по галерее второго этажа, обозревая бальный зал и обсуждая гостей, при этом укрыться от полных любопытства взглядов даже не пытались. Лишь когда внизу началась суета и приглашенные лицедеи при помощи слуг принялись устанавливать декорации для театрального представления, графиня потянула меня в боковой коридор. К счастью, не тот, где я повстречался с ряжеными вампирами.

Вышколенный слуга при этом не шелохнулся, так и остался стоять неподвижной статуей. Нас он словно не заметил вовсе, даже глазом не повел.

– Прогуляйся! – на ходу бросила ему графиня, увлекая меня за собой.

Мы повернули за угол, и там Марит толчком распахнула двустворчатую дверь. Внутри оказалось темно, но стоило только хозяйке хлопнуть в ладоши, как сразу

мягким теплым сиянием замерцали висевшие под высоким потолком магические светильники.

Немалую часть просторной комнаты занимала роскошная кровать с высоким деревянным изголовьем и резными балясинами, своими изгибами напоминавшими очертания женских фигур. По обеим сторонам темнели синими каменными поверхностями изящные столики, дальние углы были отгорожены высокими ширмами, а на стенах висели картины чувственного, если не сказать фривольного содержания.

– Впечатляет! – отметил я.

Графиня снисходительно улыбнулась, отцепила поводок от ошейника кошки и недвусмысленно указала на дверь.

Я понял намек без слов и накинул на петлю крючок. Тот показался откровенно хлипковат, но в более серьезных запорах не было никакой нужды: едва ли кому-то придет в голову беспокоить графиню и уже тем более – ломиться в ее опочивальню. К слову, на личные покои хозяйки комната несколько не походила. Скорее, здесь проходили ее встречи с фаворитами.

Марит поставила опустевший бокал на столик, повернулась ко мне спиной и деловито попросила:

– Помоги со шнуровкой, Рудольф.

Я распустил корсет, а стоило лишь попытаться обнять графиню за талию, та сразу высвободилась и скользнула за ширму.

– Не стоит опускаться до презренного быта таинство любви.

Ничего не оставалось, кроме как последовать примеру хозяйки и уйти в свой угол. Там, помимо трюмо с зеркалом, стоял еще и стул с гнутой спинкой, я набросил на него камзол, затем расстегнул и стянул через голову сорочку, после избавился от туфель и чулок. А вот дальше заколебался.

Все происходило будто во сне, и волей-неволей начало закрадываться опасение, не стану ли я жертвой жестокого розыгрыша, выйдя из-за ширмы в чем мать родила.

Пока я колебался и выжидал, появилась Марит, и все мои сомнения отпали сами собой. Пусть графиня и облачилась в шелковую сорочку, но прозрачная ткань лишь немного скрадывала отдельные детали и никак не прикрывала наготу. Выставить себя на всеобщее обозрение в подобном виде ее сиятельство никак не могла.

Хозяйка забралась на кровать, к ней тут же запрыгнула черная кошка. Я больше медлить не стал, избавился от исподнего и вышел из-за ширмы, если так можно выразиться, во всеоружии.

Марит покачала головой и цокнула языком.

– А вы многое пережили, Рудольф! – произнесла она, явно имея в виду шрамы; иные мои достоинства оставили графиню совершенно равнодушной. – Вы и резать себя любите? Как оригинально! Оригинально и возбуждающе...

Я лишь криво ухмыльнулся, уселся на кровать и вознамерился спихнуть на пол кошку, но черная бестия прижала уши к голове, оскалилась и зашипела.

– Оставьте ее! Сама уйдет! – уверила меня Марит, протянула две бархатные ленты и лукаво подмигнула. – Говорили, любите связывать людей? Как насчет меня?

Графиня демонстрировала невиданную открытость новым ощущениям, и ничего не оставалось, кроме как привязать ее раскинутые в разные стороны руки к резным балясинам кровати. Марит при этом откинулась спиной на изголовье кровати и соблазнительно выгнулась, приподнимая грудь. Своей позой она вызвала во мне живейший отклик, пусть мысли сейчас и были заняты совсем иным.

Удушье, или, как выражались ученые мужи, асфиксия, требовало тщательнейшего контроля прилагаемых усилий. Имелся немалый шанс оказаться в одной кровати с бездыханным телом хозяйки особняка, если только позволю увлечь себя этой опасной игрой, а подобное вовсе не входило в мои

планы.

Марит расценила колебания по-своему и разрешила:

– Рви! – а после выкрикнула, изнемогая от нетерпения: – Да рви же!

Я дернул сорочку, и тончайшая ткань буквально расползлась под пальцами.

И тут же что-то ударило в дверь, ненадежный крючок сорвало, и створки распахнулись. Графиня взвизгнула от испуга, у меня и самого сердце провалилось куда-то в потроха.

«Просто! – молнией промелькнуло в голове недавнее сомнение. – Слишком просто!»

Все с самого начала пошло слишком уж легко и предсказуемо, и вот теперь ее сиятельство визжит в разорванной сорочке с привязанными к изголовью кровати руками, и всякий желающий может удостовериться лично, что повинен в столь непотребном обращении с хозяйкой Рудольф Нуаре, любитель удушения и просто сомнительный тип. Боюсь, приор перехитрил сам себя. Если только он не перехитрил меня...

Святые небеса!

Я извернулся, готовый броситься наутек, вот только единственный выход из комнаты перегородил взъерошенный сеньор в богато украшенном серебряным шитьем камзоле и слегка съехавшей набок маске. За его спиной почудилось красно-белое движение, но в опочивальню больше никто не вошел – ни слуги, ни гости.

– Чудовище! – крикнул незнакомец, обнажил шпагу и ринулся вперед, намереваясь порубить меня на куски.

Графиня завизжала пуще прежнего, я же ухватил кошку и швырнул ее в подскочившего к кровати человека. Черная бестия возмущенно мяукнула, вцепилась выпущенными когтями в лицо и вмиг расчертила глубокими царапинами щеки и подбородок моего визави. Тот взвыл и свободной рукой

отшвырнул от себя хозяйскую любимицу, но запала не растерял и миг спустя вновь кинулся в атаку.

Миг спустя! Этот миг и решил исход дела. Бесславная гибель в мои планы отнюдь не входила, я соскочил с кровати, обеими руками ухватил столик и что было сил метнул его в потерявшего осторожность убийцу. Взбешенный сверх всякой меры, тот как раз замахнулся шпагой для могучего удара и успел лишь выставить перед собой открытую ладонь. Пустое! Край тяжелой каменной столешницы угодил в грудь и вмиг сбил дыхание; воздух с хрипом вырвался из легких, явственно хрустнули ребра.

– Ох...

Молодой сеньор опустил шпагу, выпучил глаза и разинул рот, пытаясь сделать вдох, но я ему такой роскоши не дал, ухватил подвернувшийся под руку стул и со всего маху обрушил его на голову противника. Тот рухнул на пол как подкошенный.

Пинком я вышиб оружие из обмякшей руки, хотя мог бы и не суетиться и не отбивать пальцы о витую гарду: удар стулом лишил юнца сознания, он не шевелился.

Удивительное дело, но в коридоре было тихо. Как видно, мой несостоявшийся убийца пожаловал сюда в одиночестве, а панические вопли хозяйки помешали расслышать музыка и удаленность от бального зала.

Я еще раз взглянул на дверь, поднял шпагу за середину клинка и сказал:

– Знаете, ваше сиятельство, а ведь убить собирались вас...

Графиня враз прекратила голосить и моментально обрела присутствие духа; ее словно подменили.

– Что вы такое говорите, Рудольф?!

Я резко развернулся к своей несостоявшейся любовнице, замахнулся и метнул шпагу. Острие со стуком вонзилось в изголовье кровати, клинок слегка выгнулся

и закачался под тяжестью гарды и противовеса.

Марит даже взвизгнуть не успела, до того быстро все произошло. Правда, она тут же задергалась, но бархатные ленты оказались слишком крепки, а узлы затянуты на совесть; высвободиться у хозяйки не получилось.

– Развяжи! – потребовала графиня. – Развяжи немедленно!

Обнаженная грудь яростно вздымалась, но влечение уже оставило меня; я прикрыл распахнутые двери, затем приблизился к изголовью кровати и повторил:

– Этот юнец собирался убить ваше сиятельство.

– Да что вы...

Договорить графиня не успела, я ухватил ее за шею и безо всякого почтения стиснул пальцы.

– Ревнивец собирался убить именно вас. Именно вас, а не меня. И он еще может добиться успеха в задуманном. Но полагаю, нет никакой нужды доводить дело до подобной крайности. Моргните, если согласны.

Марит часто-часто заморгала, не в силах выдавить из себя ни слова.

Я ослабил хватку и сказал:

– Мы договорились?

– Да! – хрипло выдохнула графиня. – Развяжите меня немедленно!

– Если понадобится, даже помогу затянуть корсет, – пообещал я, сходил за кинжалом и перерезал одну из бархатных лент. – Взаимопонимание бесценно.

Марит схватила протянутой рукоятью вперед клинок, яростным движением распорол вторую ленту и убежала за ширму, на ходу избавляясь от

разорванной сорочки. Я забрал оружие и поспешил в собственный угол. Затишье не могло продлиться вечно, стоило одеться и привести себя в порядок, иначе выбраться из особняка графини живым будет решительно невозможно.

Удивительное дело, но нас так никто и не побеспокоил. Марит милостиво позволила затянуть себе шнуровку корсета и успокоила забившуюся в угол любимицу, а я связал обрывками сорочки руки молодого ревнивца. После мы отправились в общий зал, и там хозяйка во всеуслышание заявила о случившемся нападении. Поднялся неопиcуемый переполох, и графиня Меллен в очередной раз выказала недюжинную волю.

– Спокойствие, сеньоры! – ледяным тоном провозгласила она. – Самое страшное уже позади! – Она искоса посмотрела на меня, и все же не стала отступать от уговора и обвинила юнца в попытке убить ее из ревности.

Ничего иного ей попросту не оставалась. Игра пошла прахом, сделать крайним некоего герра Нуаре уже не представлялось возможным. А в том, что все было спланировано заранее, я нисколько не сомневался. Меня собирались выставить насильником и убить.

Ангелы небесные! Им ведь это почти удалось!

Глава 5

1

Выскользнув из особняка графини Меллен, я поцеловал святой символ на четках и горячо возблагодарил за свое чудесное спасение всех небесных покровителей разом. Перебежав через двор, заскочил на подножку кареты, стуком ладони о борт разбудил дремавшего на козлах кучера и приказал:

– Трогай!

Экипаж покати́л по темной улочке, и лишь тогда я толком перевел дух. До последнего оставался шанс, что меня попытаются прикончить, но нет – обошлось.

Среди взбудораженной публики оказался кто-то, имевший отношение к Управе благочестия, и скрученного ревнивца взялись везти в холодную. Тогда-то я, предварительно подтвердив слова графини, и убрался от греха подальше на улицу. Было слишком опрометчиво задерживаться там, где имелся немалый риск встретить рассвет с глоткой, перерезанной от уха до уха...

За ночь я так и не сомкнул глаз. Мешал спать скрипом половиц соседям снизу и до самого утра ходил из угла в угол мансарды, обдумывая случившееся. Взбудораженные покушением эмоции понемногу улеглись, вернулась способность мыслить трезво. А подумать было о чем. Слишком уж сильно резали глаза всевозможные странности. Случившееся походило отнюдь не на просчитанную западню, а на некий экспромт.

Проще всего было заподозрить приора герхардианцев в попытке расквитаться за смерть ловчего, но нет, не столь я значительная фигура, чтобы пускать в ход хитроумные интриги. Накинули бы мешок на голову в темном переулке и уволокли в подвалы миссии ордена. Был магистр вон Черен – и нет его.

В итоге я не выдержал, собрался и поспешил в заведение, где имел обыкновение завтракать магистр Кирг. Тот, надо отдать ему должное, моему появлению нисколько не удивился и жестом предложил забраться в карету.

– Полагаю, вас можно поздравить? – расплылся он в радушной улыбке. – Премного наслышан о нападении на графиню. Вы проявили себя с лучшей стороны, теперь подобраться к ней будет несравненно проще.

Пришлось разочаровать магистра, изложив свое видение произошедшего.

Толстяк аж с лица спал.

– Уверены? – помрачнел он. – Вы точно уверены, что это не случайная выходка ревнивого дурака, а спланированное нападение с целью вашего убийства?

– Целиком и полностью, – подтвердил я.

– Немыслимо! – взорвался Джервас Кирг. – О вас знали только мы трое! Никто из нас не мог донести графине!

У меня было время хорошо все обдумать, поэтому я лишь вздохнул и сказал:

– Никто и не доносил. В противном случае меня попросту не пустили бы на порог. Я был никому не интересен и несколько часов свободно перемещался по особняку, а потом... Потом что-то случилось.

О маркизе Альминце я упоминать не стал, напыщенный болван никак не мог узнать своего недавнего гостя. Занятый беседой с приверженцами алхимии, он ни разу в мою сторону даже не взглянул.

Магистр-управляющий пожевал губами и надолго замолчал.

– С какой стати Рудольф Нуаре вдруг стал... как бы сказать... представлять опасность для графини? – нахмурился Джервас Кирг, хорошенько обдумав мои слова. – С чем это может быть связано? С той непонятной дуэлью в саду? Или с рыжей девкой? Клыки точно были накладными?

– Прежде чем ее затолкнули в комнату, она их сняла, – подтвердил я.

– Фрея... Фрея... – задумчиво пробормотал магистр. – У графини есть рыжая компаньонка, которую зовут именно так. Она лицензированная колдунья, правда, не из сильных. Природный мнемоник.

– Мнемоник? Первый раз слышу.

– Может передавать другим собственные воспоминания и ощущения, – пояснил толстяк. – А этот ваш сеньор Вольф... Даже не знаю, кто бы это мог быть. Сумеете опознать его?

Я покачал головой.

– Он был в маске. Но голос узнаю.

– Для этого придется с ним встретиться и поговорить, – поморщился Джервас Кирг. – Вероятность подобного, сами понимаете, чрезвычайно мала.

– А привратник?

– Какой-то ряженый слуга, – отстраненно ответил толстяк, потом наморщил лоб и неожиданно остро взглянул в мою сторону. – А если все обстоит совсем не так, как видится на первый взгляд? Быть может, ваша смерть просто сулила ее сиятельству... как бы сказать... некие выгоды? Посудите сами, Филипп: гость связал столь влиятельную особу и намеревался обесчестить ее, но был убит. А после выясняется, что это пытался проделать не кто-нибудь, а магистр Вселенской комиссии, обманом проникший на прием. Моя отставка была бы предрешена! И даже если нет, я бы и смотреть в сторону графини не посмел как минимум несколько следующих лет!

Я вздохнул и сказал:

– Мне надо допросить задержанного. Скорее всего, он не скажет ничего интересного, но будет важен любой намек.

Магистр Кирг поколебался, затем все же пообещал:

– Попрошу об этом полицмейстера. – Он распахнул дверцу и предупредил: – Ждите, мы как раз завтракаем вместе.

– Возьмите! – протянул я магистру свои документы о назначении на должность. – Никакого Рудольфа Нуаре никогда не существовало, всегда был Филипп вон Черен. Остальное – слухи.

Джервас Кирг кивнул, принимая бумаги, и покинул экипаж.

О зачарованной заколке для шейного платка он не вспомнил, а я напоминать о безделице не стал. У меня были на нее другие планы.

В Управу благочестия на Ключатан меня отвез кучер магистра-управляющего. Там я поднялся на третий этаж и вручил секретарю полицмейстера наскоро набросанное на мятом бумажном листе дозволение увидеться с задержанным. Молодой человек посмотрел на меня с нескрываемым недоумением, но от расспросов воздержался, лишь хмыкнул и сопроводил в подвал, где содержались арестанты.

Едва не прикончивший меня юнец оказался выходцем из почтенной и небедной, пусть и не слишком родовитой семьи, поэтому в общую камеру его помещать не стали и заперли в глухом каменном мешке без единого оконца, зато со шконкой и ржавым ночным горшком. Секретарь дышать вонью нечистот не пожелал, сунул лист с распоряжением начальнику караула и поспешно убежал наверх, а один из караульных заглянул в смотровое оконце толстенной деревянной дверцы, откинул запор и позволил зайти внутрь.

У меня не было ни малейшего желания проходить в камеру, но арестанта на прогулку никто выпускать не собирался. Да он и сам не выказывал желания покидать казематы; сидел, сгорбившись и зажимая руками поцарапанное лицо.

Петли противно скрипнули, дверца закрылась, и я остался со своим несостоявшимся убийцей наедине. Только тогда он поднял голову и посмотрел на меня. В припухших глазах не промелькнуло ни намёка на узнавание, и виной тому была отнюдь не здоровенная шишка на лбу.

– Как самочувствие? – поинтересовался я, продолжая стоять.

– Я хочу умереть, – глухо ответил молодой человек. – Повесился бы, но у меня забрали ремень...

– И что заставляет думать о сведении счетов с жизнью? С вами плохо обращались?

– Нет! – вдруг рявкнул сеньор, застонал и приложил ладонь к боку. – Я хотел убить ее! Хотел убить лучшую женщину на свете!

Заявление это меня изрядно удивило.

Я немного поколебался, но все же присел рядом с арестантом. От того пахло рвотой и перегаром, и смесь этих запахов пробивалась даже через заполнявшую камеру вонь нечистот.

- Вы это помните? - спросил я. - Помните, как набросились на ее сиятельство?

Молодой человек покачал головой и вновь спрятал лицо в ладонях.

- Нет! - хрипло выдохнул он. - Слишком много выпил вчера. Все как в тумане.

- Как вы вообще оказались в той комнате?

Арестант повернулся и посмотрел на меня через лохмы спутанных волос. Казалось, вопрос его безмерно удивил.

- Кто-то из слуг сказал, что слышал крики хозяйки, но не смеет вмешаться. Меня попросили помочь, а дальше ничего не помню. Ничего! - Юнец врезал себя кулаком по лбу и зашипел от боли. - Это все вино и удар по голове...

Вино и удар по голове, но, вполне возможно, и какое-то дурманное зелье. Нечто подобное я и ожидал. Заранее убийство никто не планировал, на меня натравили одного из дыхателей графини, выпившего в тот вечер больше других. Святые небеса! Эта ниточка никуда не приведет!

- Вы помните того слугу? - попытал я удачу. - Кто это был?

- Они же все в масках! - скривился арестант, но сразу осекся, будто вспомнил нечто необычное. - Нет, - медленно проговорил он, - меня позвал тот, что встречал гостей и проверял приглашения!

Перекошенный уродец в красно-белой ливрее! Так мне не показалось, я действительно видел его в коридоре!

Я начал выпытывать подробности, но арестант толком ничего не помнил, а потом и вовсе дверца камеры приоткрылась и внутрь заглянул тощий как щепка сеньор в профессорской мантии. Лицо его покраснелось, будто от быстрого бега, по щекам стекали капли пота.

– Кто вы такой, черт вас дерит? – пренебрегая элементарными правилами приличия, потребовал он объяснений. – И что вам понадобилось от моего клиента?

– От вашего клиента?

– Я – мэтр Валгетамм, этот юноша – мой подзащитный, а вы кто такой?

– Поговорим на свежем воздухе.

Я поднялся на ноги и шагнул к двери, заставив адвоката податься назад и отступить в коридор. Он возмущенно засопел, но на глазах караульных свару устраивать не стал и последовал за мной из подвала. В напряженном молчании мы покинули здание и отошли в дальний угол двора управы подальше от полицейских.

– Вашему подзащитному грозит плаха, мэтр, – заявил я, оборачиваясь к спутнику, но адвокат оказался стреляным воробьем и сбить себя с толку не дал.

– Кто вы такой? – повторил он, близоруко щурясь.

– О, что с моими манерами? – вздохнул я, вытянул из висевшего на шее мешочка служебный перстень и нацепил его на палец. – Позвольте представиться, магистр Вселенской комиссии по этике Филипп Олеандр вон Черен.

– Вселенская комиссия? – нахмурился сбитый с толку адвокат. – Мой клиент не из школяров, а тот факт, что я преподаю юриспруденцию, никоим образом...

– Перед вами – свидетель обвинения! – перебил я собеседника. – Обстоятельства заставили меня посетить прием ее сиятельства инкогнито, и в материалах дела я фигурирую как Рудольф Нуаре. Правда, сомневаюсь, что у вас было время с ними ознакомиться...

– Это возмутительно! – рассвирепел адвокат. – На каком основании вы преследуете моего подзащитного?!

– Я никого не преследую. Напротив, даю ему шанс.

Мэтр Валгетамм платочком промокнул лоб с глубокими залысинами и перешел к делу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/pavel-kornev/ritualist-tom-2>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)